

Р. ДАМИРОВ
С. ФИШЕР

КРАСНЫЙ
ВЕРВОЛЬФ

Красный Вервольф

Саша Фишер

Красный Вервольф 4

«Автор»

2023

Фишер С.

Красный Вервольф 4 / С. Фишер — «Автор», 2023 — (Красный Вервольф)

История ступает тяжелыми шагами, и сдвинуть ее с намеченного пути не так-то просто. Но когда это трудности пугали Александра Волкова, которого занесло во времена Великой Отечественной в окрестности оккупированного Пскова? Красный вервольф продолжает свою охоту! Захватчики еще здесь, а значит у него много работы! В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рафаэль Дамиров, Саша Фишер

Красный Вервольф 4

Глава 1

Я не услышал шаги, а скорее почувствовал их. Кто-то крался наверх, ступая осторожно и едва слышно. Как тени из предутреннего сумрака.

Бл*ха, я кажется, заразился от графа, даже мысли у меня потекли в пафосной манере.

– Заткнись, – сказал я, поняв, что он снова открыл рот, чтобы что-то сказать. – Мы не договорились. Янтарную комнату тебе никогда не получить. И вообще ничего. Прощай, граф. Надеюсь, на том свете не увидимся.

Ответить я ему не позволил, и так слишком долго его слушал. Настолько долго, что меня уже затошнило от его велеречивых откровений. Он успел только раскрыть рот, но в ту же секунду шейные позвонки его хрустнули, и я опустил его обмякшее тело обратно в кресло. На котором он растекся безвольной медузой.

Затухающим взглядом он смотрел, как я опрокидываю вычурный канделябр, как первые языки пламени облизывают богатые портьеры на окне. Как я каминной лопаточкой выкидываю горящие угли на ковер.

Как там пела Брунгильда из «Гибели Богов? «Бросаю огонь в светлый Вальгаллы чертог?»

Походя? подобрал скатившийся с ладони графа перстень. Хотел бросить его в кресло, но передумал. Оставляю на память. Сунул в карман.

Эх, канистру бы горючки еще, чтобы полыхнуло побыстрее!

Но пламя и так занималось очень даже хищно. В квартире графа на мою удачу было очень много портьер, ковров, балдахин и покрывал. Деревянные панели на стенах тоже скоро займутся, как и мебель. И окна распахнуты, значит тяга будет отличной.

Бросил последний взгляд на тело графа. В глазах – последние искры угасающей жизни. Поставить что ли ему пластиночку напоследок? Как раз там подходящая ария играла!

Обойдется.

Пора уходить. И так задержался дольше, чем следовало. Небо уже стремительно сереет, скоро рассветные сумерки превратятся в хмурое осеннее утро, а мне еще нужно успеть выбраться за пределы Пскова. И желательно так, чтобы меня никто не заметил...

Сунул руку в нагрудный карман, затем в другой. Черт! Бланки пропусков кончились. Опасно так шнырять по городу в комендантский час, да еще когда такой кипишь в городе творится. Подземный ход мы завалили, через него мне не выбраться из Пскова. Пока до окраины города доберусь, сто раз успею напороться на патруль. Придется заночевать, а утром рвать когти.

В СД не дураки сидят. Граф сгорел, но полиция смекнет, что совсем не просто так пожар приключился. Трупы на складе № 6, взрывы в городе, угон грузовиков и смерть графа – все в одну и ту же ночь. Ежу понятно, что не бывает таких совпадений. Будут шерстить, в первую очередь, ближайшее окружение графа и мигом меня прижмут. К Марте нагрянут. Марта... Точно.

Прежде чем свалю из города, навещу ее. Только сделать это надо прямо сейчас. Пока еще полыхает дом графа, пока не стали расследовать его смерть, пока грохочут выстрелы.

Держась в тени, и прячась от лунного света, я шнырял по подворотням, направляясь к знакомому дому. Вот и он. В окошке горит свет, не спит почему-то моя коллега.

Юркнул в подъезд, наощупь добрался до нужной двери, тихо постучал. Щелкнула задвижка и дверь распахнулась.

Я протиснулся внутрь квартиры. Марта захлопнула дверь и повисла у меня на шее.

– Ты почему не спрашиваешь кто пришел? – пробурчал я, отдирая девушку от себя.

– Я никого не боюсь Алекс, – улыбнулась она, поправляя сбившийся кружевной халатик, – разве, что только тебя...

– Я пришел попрощаться...

Все-таки сделать это надо было. Нехорошо так резко исчезать, да и в глубине души, я был уверен, что судьба еще сведет меня с этой немецкой девушкой. Меркантильная душа разведчика подсказывала, что не стоит разбрасываться такими контактами. Это теперь мой единственный человек среди фрицев Пскова.

– Ты уходишь? – пухлые губы Марты дернулись, она часто заморгала, но сдержала слезы.

– Граф мертв, меня будут искать...

– Ты убил его? – осуждающе, но без капли сожаления спросила Марта.

– Он сам выбрал свою судьбу, мог бы заниматься описью ценностей и прочей музейной ерундой, но ему захотелось большего.

– Ты и есть тот самый Вервольф? Да? – Марта впиалась в меня взглядом, глаза ее превратились в щелочки.

В мозгу мелькнула нехорошая мысль, что теперь Марту придется... Нет. Она слишком привязана ко мне, она не сможет меня сдать. Она...

Щелкнул металл.

Черт... Похоже я слишком самонадеян. Марта держала в руке пистолет. Стол направлен мне прямо в сердце.

– Я не могу отпустить тебя, Алекс, – по щекам девушки катились слезы. – Ты либо мой, либо...

Голос ее дрогнул, но рука сжимала рукоятку твердо.

Я улыбнулся:

– Что ж... Стреляй. Ведь ты никогда не сможешь приручить Волка.

Я шагнул к ней навстречу. Ствол уперся мне в грудь, Марта шумно дышала, в расширенных глазах боролось смятение, гнев, любовь и черт знает еще что.

Я мягко взял пистолет из ее руки, сунул себе в карман, пригодится. Обхватил девушку, прижал к себе и поцеловал. Она сразу обмякла, и из нестигаемой фурии вмиг превратилась в хрупкую беззащитную девочку. Прижалась ко мне, всхлипывала и бормотала:

– Я... я хотела, чтобы ты уехал со мной... Эта чертова страна погубит тебя, Алекс. Даже если война закончится, здесь все пойдет прахом. Ты не можешь вот так уйти.

– Мне пора, – оторвал я от груди девушку.

– Куда ты? – встрепелась она. – Останься хотя бы до утра, ты не выйдешь сейчас из города.

– Не могу, у тебя оставаться опасно, – к тебе первой придут, когда поймут, что граф погиб.

– Да. Да... Ты прав, – Марта ссутулилась и вздохнула.

– Что ты скажешь сотрудникам СД когда они придут?

– Что не видела переводчика графа... Не знаю где ты.

– Умничка, – я улыбнулся и поцеловал ее в лоб, как ребенка, как старого друга. – Прощай... И прости, если что.

Повернулся и направился к двери. Главное не оглядываться, сердце и так сжалось в комок, а на душе почему-то скребут кошки. Щелкнул задвижкой, решительно распахнул дверь и вышел в подъезд. Спиной почувствовал рыдания Марты.

Сбежал по ступенькам и нос к носу столкнулся с фашистской рожей.

– Алекс! – воскликнул фриц. – Это ты?

– Герман?

Один из моих собутыльников по бару, очевидно, возвращался к себе домой. Он тоже работал в комендатуре и мы частенько там пересекались.

– Ты что здесь делаешь? – удивленно уставился он на меня?

Я многозначительно улыбнулся и пожал плечами, мол, дела личные.

– Ах ты, хитрый лис, Алекс! – Герман похлопал меня по плечу. – Ты все-таки залез под юбку Марте! И что она в тебе нашла? Ты же чертов русский?

– Русский, кивнул я, а вот ты, дорогой друг, хоть и немец, но уже покойник.

– Что?

Я толкнул фрица в подбородок. Снизу вверх. Что есть силы толкнул, вложил всю массу. Хрясь! Его голова впечаталась в кирпичную стену подъезда, размазав затылком кровь по штукатурке. Прощай Герман, больше не выпьем с тобой шнапса.

Труп оттащил в закуток, где был отгорожен чулан. Закинул его туда и прикрыл дверь. Нельзя было оставлять его в живых, подставит Марту, когда нагрянут СД-шники. И вообще... Вервольфу не нужны оправдания, чтобы уничтожить фашистов.

Я осторожно вышел из подъезда. В городе уже все стихло. Теперь надо пробираться как мышь. Еще раз огляделся, не выходя из тени подъездного козырька. Вокруг никого. Отлично, никто не заметил моего визита к Марте. Из живых никто...

Попетлял дворами, потом проулками, через полчаса вышел к разрушенному дому на окраине. Все, дальше нельзя. Впереди открытая местность, и вышки режут черноту фонарями. Надо найти укрытие и перекантоваться до утра.

Сзади послышался топот. Я прыгнул за обломок плиты и притаился. Осторожно выглянул. Отделение фрицев бежало в мою сторону. Меня заметили? Не могли, темно же. Спешно огляделся. За спиной между плитами чернеет спасительная щель. Протиснулся туда. Ага, знакомое место! Сердце радостно подпрыгнуло. Был я уже здесь, и даже немного оборудовал как раз на такой вот случай.

Теперь нужно только сползти чуть вниз и прикрыть пролом досками, будто тут нет ничего, кроме завала.

Последняя доска почти бесшумно встала на место. Голоса фрицев зазвучали глуше, было слышно, что кто-то вроде ломанулся в развалины, осколки битого кирпича закричали под сапогами. Потом окрик чьей-то команды.

«Ну вот и пригодилась нора!» – удовлетворенно подумал я, отступая по короткой лестнице вглубь подвала. В этот дом стоял в развалинах, и никто не торопился его как-то чинить или обживать. В него сначала влетела авиабомба, а потом, уже в ходе уличных боев, дело довершили танки. Теперь дома тут, считай, что и не было. Вертикально стоял только один угол. Я бы в тот раз мимо прошел, если бы не Рубин. Мы тогда проходили мимо, и он сказал, что мол, хороший был дом, дореволюционный. Раньше вроде как контора какая-то была, но потом его перегородками на квартиры поделили и заселили. А подвал остался бесхозным. Хороший такой подвал, с потолками сводчатыми. И выходов из него было несколько.

И я слова его запомнил и вернулся, чтобы получше руины обследовать. Расчистил один из входов, забрался внутрь. Роскошным этот подвал, конечно, больше не был. Прямое попадание авиабомб не прошло для него даром, так что частично он обрушился. Но часть оказалась вполне пригодна для оборудования тайничка на случай «если вдруг что». Один вход через дыру в полу рядом с уцелевшим углом. Я позаботился, чтобы было чем ее прикрыть, чтобы незаметно было. И запасной выход тоже имелся. Правда, не такой удобный, скорее узкий лаз, больше похожий на крысиную нору. Но все лучше, чем ничего.

И нычку тут тоже оборудовал. Коробка патронов, бесформенная крестьянская куртка, шапка-треух, штаны, сапоги. Точно, патроны!

Я бросился к тому углу, где лежала моя «захоронка». В мозгу уже носились дикие мысли, что сейчас надо перезарядиться, выползти через лаз наверх, зайти в спины моим преследователям. Их там человек семь, наверное, уже. И если сходу пальнуть в главного, то...

Так, выдох.

Выдох, дядя Саша, на улице уже рассвело. Бежать сейчас – это напрямую подставляться. Поднимется тревога, примчится тьма народу, будут гонять меня по городу, как зайца. Может уйду, а может и нет.

Так что – стоп. Обыскивать развалины они не стали. Подумали, что я через кусты в овраг сиганул. Откуда-то оттуда сейчас голоса звучат.

Что ж... Я осторожно, по стеночке, пробрался в тот угол, где оставил свои пожитки. Только сейчас понял, что колени подрагивают, что мышцы ватные и в голове мутится от усталости. Не мудрено, ночь была та еще, а я все-таки уже не двадцатилетний козел, чтобы такие скачки даром проходили.

Эх, жаль не догадался сюда одеяло притаранить. Или спальник какой. У фрицев полевые спальники, чудо, как хороши! Я все примеривался спереть один, но как-то не собрался.

Ладно, придется так обходиться.

Я наощупь размотал шмотки и сообразил себе какое-никакое «ложе». Устроился поудобнее, накрылся кое-как. Успел подумать только, что какой-то кирпич в бок упирается, надо бы убрать. Но додумать мысль не успел, потому что провалился в сон.

– Шурик, а ты сможешь в воскресенье на дачу с нами съездить? – раздался из коридора голос Лилечки. – Надо отцу помочь крышу починить, и мама очень просила с теплицей помочь.

– А я просил не называть меня Шуриком, и что это изменило? – пробурчал я себе под нос и ткнул еще раз в пульт телевизора. Вокруг была кухня в сиреневеньких тонах, просторная квартира Маринки, изнеженной фифы, маменькиной и папенькиной принцессы. Вместе мы были недолго, всего год или что-то вроде... Ну да, вот же календарь на стене с передвижным окошечком. 23 сентября 2008 года, вторник. Зеленые цифры на часах микроволновки показывают без двадцати десять. За окном светло, значит утра.

– Шурик, ты меня не слышал? – а вот и сама Лилечка появилась в дверях. Хороша. Прямо готовая модель для куклы Барби. Натуральная платиновая блондинка с идеально-точеной фигуркой. Думал, такие только из-под ножей хирургов бывают, но нет, встречаются и в реальности... образцы.

– ...легендарная янтарная комната... – пробилась сквозь ее голос звук от телевизора.

– Шурик, ну почему ты всегда такой? – обиженно протянула Лилечка.

– Помолчи! – прикрикнул я, сел и прибавил звук.

– ...уже в это воскресенье, – радостно закончила предложение дикторша. – Напомню, янтарная комната была одним из сокровищ Екатерининского дворца, которые немецко-фашистские захватчики вывезли из Царского Села в годы Великой Отечественной войны. Долгое время она считалась навсегда утраченной. Легендарный интерьер воссоздали по фотографиям и документам. Однако год назад в ходе строительных работ был найден вход в часть старых подземелий, которые по легендам, тянутся под улицами всего города. Работы немедленно остановили, и за дело взялись археологи. Каково же было их удивление, когда под сводами древней каменной кладки они обнаружили шесть тщательно упакованных контейнеров с маркировкой Третьего Рейха. С превеликой осторожностью посылку из прошлого вскрыли. И обнаружили там демонтированную янтарную комнату. Кто и почему оставил в подземельях Пскова такой подарок, до сих пор остается загадкой.

Было принято решение вернуть находку на ее законное место – в Екатерининский дворец. Воссозданную же там копию решено демонтировать и в дальнейшем переместить в один из

музеев-заповедников Санкт-Петербурга. Напоминаю, что в это воскресенье полюбоваться на настоящую янтарную комнату смогут все желающие.

– Шурик, ну что за ерунда, почему ты меня игнорируешь? – Лилечка села на тахту рядом со мной и закрыла экран всей собой. Коснулась лба пальцами. Бл*ха, какие холодные у нее руки...

– Не называй меня Шурик, – пробормотал я, понял, что рядом никого нет. Только темнота и чье-то маленькое шустрое тело с писком умчалось прочь. На лоб мне упала еще одна капля.

Несколько секунд я лежал неподвижно, приходя в себя и прислушиваясь к звукам. Голосов не слышать. Сначала мне показалось, что наверху кто-то ходит, но нет. Это капли. Вода просачивалась сверху и несколькими струйками проникала в «мой» подвал. Наверху зарядил дождь. Сколько времени я проспал, интересно?

Я поднялся, с трудом разгибая задубевшие мышцы. Надо было убрать перед сном этот долбаный кирпич! Все ребра мне продавил.

Теперь чуть размять мышцы... Пить еще так хочется!

Хотя с этим, к счастью, проблем нет. Потолок протекает в десяти местах, подставляя ладони, да пей.

Сделав несколько глотков дождевой воды, я почувствовал, что пришел, наконец, в себя. Несмотря на ноющие мышцы и постукивающие от промозглого холода зубы, я чувствовал себя отдохнувшим. И даже где-то полным сил. И зверски голодным, разумеется, но это как раз просто решить. Пару банок тушняка я тут оставил.

И сон еще этот.

Как в тот раз, с драгоценностями Фаберже. Как будто не сон, а воспоминание. Из будущего, ага.

Мозг взрывается, когда начинаю об этом думать. Как когда мне пытаются объяснить суть какой-нибудь гравитационной сингулярности или квантовой физики.

Я умыкнул янтарную комнату, и в моей голове появилось воспоминание о том, как я узнал в две тысячи восьмом, что ее откопали в Пскове. В том самом месте, где я ее и оставил. Как там дикторша сказала? «Посылка из прошлого»?

Губы сами собой расплылись в улыбке.

Получилось! Дядя Саша, все получилось же! Хрен вам, фрицы, а не янтарка! Выкусите!

Орден мне за это никто не прикрутит, конечно, да и пофиг! Я смог! Я это сделал!

Так тебе, подозрительный Хайдаров! Сомневался он еще, рожа osobистская!

Эх, сейчас бы я даже накатил на радостях, вот только бутылку никакую от графа не догадался прихватить. Стояла там на столике, точно помню.

Получилось. Получилось. Получилось!

Хотелось заорать от радости, но сдержался. Я все-таки прячусь тут, а не корпоратив сам себе устраиваю. По случаю успешного завершения миссии «Янтарная комната».

Но...

Раз я все еще здесь, значит работа не закончена. Получается, история еще недостаточно поменялась, и почивать на лаврах рановато.

Хотя да. Чего это я?

Фрицы все еще здесь. Война не закончена. По нашему Пскову они ходят уже как хозяева. Домой он собрался, ага.

Давай, дядя Саша, упал-отжался, пошел работать!

Я осторожно подобрался к выходу из подвала и приподнял на миллиметр доски.

Глава 2

Я крался вдоль улицы, следя за топающими по брусчатке фрицами. Трое патрульных были закутаны в длинные прорезиненные плащи. Об эстонских карателях новые хозяева так заботиться не стали. Видел на прошлом их на предыдущем перекрестке. Топтались в своих насквозь промокших кителях, пытаясь укрыться от зарядившей непогоды под почти облетевшим кленом. Но это был не эстонский патруль. Эсэмены, надо же. В последнее время я не видел, чтобы фрицы сами патрулировали улицы, особенно по ночам. Эту изнурительную обязанность они свалили на всяких понаехавших...

Фрицы остановились на перекрестке, сгруппировались в кучку и принялись что-то тихонько обсуждать. Мелькнул огонек сигареты.

Я скользнул по кустам дальше. Дождь – неплохое прикрытие для скрытного перемещения, постоянный неравномерный шум здорово маскирует шаги. Только холодно, бл*ха. Предусмотрительно заныканная куртка к дождливой погоде оказалась не особенно пригодна, и уже минут через десять моей «прогулки» насквозь промокла и потяжелела как будто на целую тонну.

Странное чувство. Это все те же улицы Пскова. За эти месяцы стали почти родными. Сколько километров по ним намотал, как легально и открыто, так и крадучись. Вроде бы чуть не каждый закоулок уже изучил. Но сейчас все стало по-другому. Это стал чужой город, вражеская территория.

На самом деле, будто гора с плеч свалилась. Не надо больше сутулить плечи, прикидываться безобидным ботаном-переводчиком. Лебезить, заискивать, глаза стыдливо опускать, мямлить смущенно. Если эти фрицы в тяжелых дождевиках сейчас вдруг каким-то чудом меня заметят, я просто их здесь же и положу. Даже не попытавшись завести беседу.

Хотя лучше бы, конечно, чтобы не заметили. «Ты, конечно, крут, дядя Саша, но не зарывайся, – с мысленной ухмылкой сказал я сам себе, ежась от залившейся за воротник струйки холодной воды. – Даже если тебе очень захочется, положить тут всю группу армий „Север“ точно не сможешь».

Я двинул дальше. Пора было заканчивать с этой ностальгической ночной прогулкой и выбираться из города. Троица фрицев тоже проследовала дальше. В противоположном от меня направлении.

Я добрался до развалин промзоны, чтобы улизнуть одной из проверенных тайных троп для выхода из города, минуя посты и заграждения. Но тут меня ждал неприятный сюрприз. Еще на подходе я услышал там какой-то нездоровый шум. А когда подошел ближе, увидел своими глазами. Твою мать, что это тут такое развернули?

Прожекторы, несколько свеженьких вышек, деловито ползающий бульдозер... Промокшие отощавшие рабочие с лопатами и тачками. Н-да, вот и нет больше прохода. Или что-то строить тут собрались, или наоборот разравнивают место, чтобы даже крыса незаметно не проскочила.

Ладно, придется поискать другой путь.

Я скрылся за обломком стены, пропуская яркий луч прожектора. Потом скользнул под прикрытием пригорка, матюгнулся, угодив ногой в глубокую лужу. Воды черпанул сапогом. Доберусь до места потемнее, надо будет вылить.

Я собирался проскользнуть мимо блокпоста, перекрывающего восточный выезд из города, но там тоже царило какое-то нетипичное оживление.

Колонна тяжелых «Мерседесов L6000», загромодила весь проезд, ожидая, когда с дороги уберут ежи заграждения и откроют шлагбаум. Грузенные, но чем именно, в темноте

непонятно. Сразу восемь штук. Куда это они намылились ночью? Обычно компания Тодта соблюдает, так сказать, трудовой кодекс и по ночам не работает.

Подходить вплотную, чтобы послушать разговоры, я опасался. Слишком много там было света и людей.

Хотя...

Я собирался пересечь охраняемую границу города в другом месте, вплотную к реке ближе к окраине. Но почему бы не воспользоваться случаем?

Правда, по грязи придется ползать, но мне не привыкать.

Ужом скользнул за бетонный блок рядом с дорогой, вжался в землю, практически слившись с углом. По спине скользнул луч прожектора.

Сапоги двух фрицев прочавкали по дороге совсем рядом. Эх, рискованно работаю! Если бы не дождь, меня срисовали бы за милую душу.

Но эти двое были заняты – один осматривал грузовики, заглядывая им под брюхо, второй нудел ему, что лучше бы он служебное рвение проявлял в более подходящих местах, а не тормозил важную и нужную работу.

«Проверяющий-то как раз знает, что делает!» – подумал я. Дожидаясь, когда фрицы пройдут вперед еще на десяток шагов.

Вот сейчас...

Нет, рановато. Пусть еще один грузовик пройдет.

Пора!

Пропустив еще один луч прожектора, я перекатился через блок и нырнул под брюхо предпоследнего грузовика в колонне.

Хоп – и я уже подтянулся, распластавшись под днищем тяжеленного мерседеса. Этот номер мне уже приходилось проделывать в прошлом, точнее, в будущем. Только грузовик другой.

Мурыжили их еще минут пятнадцать. Пока документы фонариком просветят, пока ежи уберут, пока поперерекаются... Главное, чтобы по второму разу не взялись днища машин проверять, а то придется...

Наконец, двинулись. Ох и трясет же тут! Эту дорогу фрицы поддерживали в умеренно-рабочем состоянии, но на дождь это «покрытие» явно рассчитано не было. Моментально все развезло. Я молился только, чтобы глубина колеи была достаточной, чтобы меня об землю не расплющило.

Пока было нормально. Пару раз пробороздил спиной по скользкой грязи, но и только.

Я собирался покинуть своего «железного коня» где-то через километр и нырнуть в лес, искать ориентиры, которые мне Наташа оставила.

Но на повороте передумал.

Успеется к партизанам. Интересно мне стало, куда это направляются груженные мерседесы, и что там такое затеяли.

Технически я знал, что фрицы возводят укрепления, конечно. Но почему бы глазами не посмотреть, что там у них. Может помешать чем смогу...

Я отлип от днища и скатился в придорожную канаву как только колонна остановилась. Было слышно, что приехали, а не просто тормознули в пути. Окрики охраны, все дела.

Высунулся. Дождь перестал почти – это хреново. Лучше бы продолжал стелиться пеленой, скрадывая серым маревом движения и звуки.

Куда это мы приехали? Забор, колючка, две вышки по боками ворот.

Шталаг? Нет, вроде не похоже. Шталаг совершенно в другой стороне, тут что-то другое. Стройплощадка или что-то вроде. Какие-то постройки... Башенка... Монастырь тут что ли?

Я снова нырнул в канаву, уходя от луча прожектора.

Ворота с громким лязгом распахнулись, и колонна грузовиков стала втягиваться внутрь. Вовремя я соскочил. Территория охраняется явно лучше, чем периметр Пскова. Пришлось бы изворачиваться, чтобы ее покинуть. Да и выбраться незаметно на вон той ярко освещенной площадке, на которой грузовики выстраивались в ряд, было бы в разы сложнее. «Здравствуйте, уважаемые фрицы, на меня не обращайтесь внимания, я просто налипший на днище ком грязи, сейчас я уползу по своим делам, простите, что намусорил тут у вас».

Я снова осторожно выглянул из канавы. Ага, можно выбираться. Фриц на вышке отвел прожектор в другую сторону, и там луч остановился. Наверное, решил перекурить. Или поболтать с новоприбывшими.

Но уходить я не торопился. Сменил укрытие на более удобное, чем канава. Осмотрелся получше. Да, это точно стройплощадка. Что-то грандиозное тут собрались возводить, котлованище вон какой здоровенный. И тоже работа кипит. В три смены шпарят, без перерыва на сон и обед.

Не сподобился как-то пока был рубахой-парнем завести приятеля из компании Тодта. Сейчас бы наверняка знал, что это за бункер они тут возводят. Хотя информация наверняка засекреченная, но что-то все равно просочилось бы, вон какой масштаб стройки грандиозный!

Так, надо бы к тем кустам подобраться, ближе к забору, можно будет услышать, о чем те два фрица в эсэсовской форме разговаривают.

Три, два, один!

Луч прожектора проскользнул мимо, и я сразу следом за ним.

Ох, бл*ха! Правая нога соскользнула, и я чудом не скатился по обрыву. Твою мать, это берег реки!

Карта в голове моментально сложилась. Стало ясно, куда именно колонна грузовиков меня привезла. Севернее города, в том месте, где река Великая изгибается. Монастырь, все верно. Какой-то монастырь здесь, но названия не помню.

Парочка фрицев замолкли и настороженно закрутили головами. Я лежал на обрыве, распластавшись. Уцепился за какой-то куст. Куртка задралась, пузо проехалось по мокрой холодной глине. Только бы чахлые корни этого клятого куста выдержали, и я не сверзился с шумом и треском вниз. Придется тогда нырять под воду. Я, конечно, и так весь насквозь мокрый, но для купания время все равно неподходящее. Воспаление легких – это совсем не то, что мне в нынешних условиях необходимо...

– Кто там? – резко спросил один.

Не шевелиться. Проверено, что стук сердца часовые не слышат. Зато треснувшие ветки и осыпавшиеся камешки – только так!

Кровь в висках колотится, отсчитывая секунды напряженного ожидания. Луч прожектора метнулся в мою сторону, но проскользнул по спине, не задержавшись. Ну да, у меня сейчас спина покрыта толстым слоем грязи. Лучший камуфляж! Тяжелый только очень.

– Да нет там никого, – расслабленно бросил второй. – Ну или псина может бродячая.

– Какая псина, их местные русские уже всех на гуляш пустили, – презрительно отозвался второй.

– Гуляш, ха-ха, – первый нервно рассмеялся. – Я бы сейчас навернул тарелочку горячего гуляша.

– Проклятый дождь, – второй шмыгнул носом. – Опять усилился.

Прочавкали шаги. Парочка чуть удалилась. Зашли под брезентовый навес, наверное.

– Кстати, к нашему разговору, – усмехнулся первый.

– Вы про герра Штернхоффера? – настороженно спросил второй.

– Знаете анекдот про Геббельса и Рузвельта? – чуть тише проговорил первый.

– Что за анекдот? – первый снова шмыгнул носом.

– Американский президент берет интервью у Геббельса. А тот говорит: «Если бы американский президент завел себе СС, как Гитлер, то у вас давно уже не было бы никаких гангстеров. А тот ему отвечает: «Конечно! Они все были бы штандартенфюрерами!»

Двое фрицев заржали. Потом резко осеклись и замолчали.

Первый закашлялся.

– Не понимаю, как он дослужился до штандартенфюрера, – сказал он. Голос начал звучать еще более гнусаво, чем раньше. Простыл, бедняжка. Что же с тобой зимой в наших суровых краях будет? – Смешной анекдот, да. И на Штернхоффера очень похоже.

«Штандартенфюрер Штернхоффер, – повторил я про себя. – Надо бы запомнить это имя, кажись, значимая фигура на этой стройплощадке, что бы она такое ни была».

Фрицы продолжали сплетничать, только свернули с опасной дорожки обсуждения своего нового начальника на более безопасный треп о сослуживцах более низкого звания.

А я слушал уже не столько потому что это была важная информация, сколько потому что шевелиться не мог, иначе наделал бы кучу лишнего шума, и тогда меня бы точно засекали.

Спас меня неожиданный ляг со стороны котлована. Не разбираясь, что это там загрохотало, я отпустил спасительный куст и съехал по глинистому обрыву вниз, к реке.

«Пожалуй, надо ненадолго остановиться», – подумал я, присел и привалился спиной к дереву. Бррр! Вроде ничего не делал, а устал, как собака! Продрог в промокшей одежде, в сапогах хлопает, и вообще я весь похож на ком грязи. Надо сделать чутка покомфортнее. А то топать еще далеко. Местечко как раз подходящее, ручеек журчит, куртку можно прополоскать.

От стройплощадки я отошел уже довольно далеко, но все равно старался не шуметь особо. Насколько я помнил карту, чуть выше по этому ручью должна быть деревенька. Но заходить в нее я бы не стал. Слишком рядом она с этим вот «объектом круглосуточного функционирования». Значит там наверняка квартирует толпа фрицев, которые обирают селян насчет продовольствия.

Я прополоскал куртку от грязи, как мог отжал из нее лишнюю воду. Повесил на куст. Выполоскал грязь из шевелюры. Затылком прямо пробороzdил, пока под брюхом грузовика висел. Теперь сапоги...

Портянки насквозь, конечно, хреновое дело.

Недолго сбить себе ноги в такой обуви. С тоской подумал про берцы и носки. Переобуться в них – отличная идея, но до избушки Кузьмы еще дотопать надо, тайник с моей «горкой» и ботинками как раз там неподалеку.

Может, к деревне подойти поближе, разжиться там чем-нибудь сухим?

Нет, дурацкая мысль. Местным жителям и так живется несладко, еще меня не хватало.

Не сахарный. Дотопаю как-нибудь до сторожки в мокром, не раскисну.

Отжался десяток раз, чтобы согреться. Не очень-то помогло, конечно, но кровь чуть-чуть разогнал, стало пободрее. Натянул, ежась, мокрую куртку.

Прикинул, куда мне топать примерно.

Вроде не должен заблудиться, если моя привязка к местности верна.

Чуть заплутал. Опомнился, когда вышел практически к крайнему дому Заовражино. Бл*ха, лишних километра три, получается, сделал. Но зато теперь я точно знал, где я, дорогу с закрытыми глазами найду.

И часть пути можно по утоптанной тропе пройти, а не лесом ломиться.

Запах гари я почуял издали. Сначала подумал, что Кузьма печку топит, но чем ближе подходил, тем тревожнее мне становилось.

Ох, не печкой это тянет...

От избушки Кузьмы почти ничего не осталось. Сгоревшее пепелище, угли еще теплые. Значит, сгорела она аккуратно пока я дрых, занывавшись в подвале. Вокруг ни души, можно осмотреться, не таясь.

Включил фонарик, обежал тусклым лучом все вокруг. Следы. Немецкие сапоги, мотоциклы. Два, как минимум.

Эх, Михалыч, неужели попался?

Сердце тоскливо заныло.

Так, спокойно, дядя Саша, давай-ка без соплей! Может, обошлось еще. Не факт, что Кузьма сюда возвращался. Может с ребятами к Слободскому двинул.

Лоханки лесника на привычном месте не было, уже хороший знак...

Я еще раз внимательно осмотрелся. Вокруг сгоревшей избушки валялись вещи. Кособокий котелок, чайник, тарелки... Ватник старый, что у Кузьмы на вешалке перед дверью висел. Всякая прочая мелочевка. Следов крови или стреляных гильз нет.

В голове постепенно складывалась картина.

Похоже, фрицы приехали утром. Четверо или пятеро. Провели грубый обыск, перевернули тут все вверх дном, а потом сожгли избушку. И уехали.

Был ли тут в это время Кузьма – непонятно. Если и был, то его, получается, забрали с собой. Сапоги на нем немецкие же, так что следы могут быть и его тоже.

Но по грубым прикидкам, не было его тут.

Отлегло немного. Может и обошлось.

Подумать подольше холод мне не позволил. Стоило перестать двигаться, как зубы начинали выбивать чечетку.

Рассчитывал тут передохнуть, но увы. Надо дальше двигаться. Переодеться только надо.

Тайник, к счастью, оказался на месте. Не добрались до него фрицы. Клацая зубами, я содрал с себя мокрую одежду. Потер пальцами мокрые сморщившиеся ступни. Натянул шерстяные носки, сунул ноги в сухие боты и чуть не застонал от удовольствия.

В «горку» переодеться?

Я комкал в руках свой камуфляж. Слободский меня в этом уже видел, да и Хайдаров тоже. А по лесам прятаться в камуфляже всяко удобнее, чем в этой мокрой брезентовой хламиде.

Но Наташа говорила, что на их базе прописались эти особо секретные НКВД-шники. С ними тоже придется как-то общий язык искать. Наверняка ведь прицепятся...

Да и черт с ними!

Я натянул сухую «горку».

Дождевиком бы еще разжиться немецким, вообще было бы шоколадно. Мечты, мечты.

Ладно, будет день, будет пища.

Доберусь до лагеря партизан, уже там вместе с ребятами подумаем над моей экипировкой. Наташа... При мысли про девушку сразу же стало теплее, а губы моментально расплылись в улыбке. Будем теперь бок о бок сражаться, а не видеться от случая к случаю мимоходом.

Я скатал мокрые вещи, сунул их обратно в нычку, привалил бревном. Проверил по карманам, все ли взял.

Порядок.

Рассвет застал меня как раз на подходе к нужному месту. Приметные телеграфные столбы, уже давно без проводов. Дерево, надвое разбитое молнией... А вот и засечки, о которых Наташа говорила.

Значит я где-то совсем рядом.

Глава 3

Я сидел на камне, привалившись спиной к корявой осинке. Не скрывался особенно, даже наоборот, ждал, что появится дозорный, меня заметит и отведет в расположение сам. Можно было и поискать лагерь. Я даже, скорее всего, его бы без проблем нашел. Все-таки, не иголка в стоге сена, да и я в лесу не то, чтобы совсем уж новичок. Но что-то я и подустал, да и напрягать ребят внезапным появлением не хотелось. Так что, как договаривались – пришел на место и жду. Даже задремал почти.

Дозорный появился по моим внутренним часам где-то в районе десяти утра. Вышел, крадучись, по едва заметной тропке. Прошелся туда-сюда буквально в паре шагов от меня. Башкой покрутил. Взобрался на развилку дерева, обозрел окрестности пристально, но меня не заметил. Мосинку за спину забросил, присел на травяную кочку, пошарил в сумке и принялся «козью ножку» сооружать.

Я усмехнулся про себя, дождался, когда партизан деловито раскурит свое творение и тихонько свистнул.

Как его подбросило, прямо любо-дорого! Самокрутка полетела в одну сторону, шапка в другую, он торопливо схватился за винтовку, но ремень зацепился, тот его дернул, чуть не упал.

– Да что ж ты так всполошился-то, Сергей Гаврилыч? – хохотнул я, удерживая знакомого дядьку от падения. – Цигарку выронил, а ну как пожар устроишь?

– Тьфу на тебя, бл*ха-муха! – Серега выдохнул и в сердцах бросил мосинку обратно за спину. – Чуть сердце не оборвалось!

– Не бережешь ты себя, Сергей Гаврилыч! – я подобрал еще тлеющую «козью ножку» и вручил партизану обратно. Тот затянулся нервно. Снова присел на кочку, пошарил рукой по мокрой траве в поисках отлетевшей в сторону шапки. – Припоздился ты что-то, Саня. Тебя вчера еще ждали.

– Пришлось в городе задержаться, – я развел руками. – Сам ведь знаешь, как бывает...

– Знаю, – на лицо Сереги набежала тень. Уголки губ опустились, глаза затуманились. Ох, и постарел он за это время. И так-то выглядел не ахти, а сейчас совсем как будто сдал. Седины в бороде больше стало, щеки ввалились.

– Митьку моего убили три дня назад, – бесцветным голосом сказал он. – Сначала думали, что просто задержался, а потом ребята вернулись, рассказали...

«Сын его, – припомнил я. – Молодой совсем парень, с таким чубом торчащим, как будто корова языком лизнула»

– Взрывчатку закладывали, а караульные всполошились, – продолжил Серега после паузы на очередную затычку. – Он выскочил из укрытия, пальнул по ним, и в лес. Думал успеет, но пуля догнала, подлюка такая.

– Как герой погиб, – проронил я.

– Как герой... – эхом повторил Серега. Резко встряхнулся, смахнул набежавшую слезу кулаком и прищурился. – Так ты к нам теперь, получается? Насовсем?

– Как получится, дядя Сережа, – я пожал плечами. – Буду у вас, пока приказа жду.

– Добро! – улыбнулся. По-доброму так. – Сейчас докурю, и в расположение тебя провожу.

– Глаза-то будешь завязывать или как? – хитро подмигнул я.

– Тьфу на тебя! – засмеялся он.

Пока шли по лесу, Серега рассказывал, какие у них в отряде новости. Про Славку, десятилетнего пацана, который прибился месяц назад, в деревню идти отказался наотрез, фашистов, говорит, буду бить, не прогоните. Про погибших. Про новеньких. Про то, как две свадьбы в отряде сыграли. Про пленного немецкого офицера, которого три дня назад поймали. Про свинью.

– Та самая свинья? – удивился я. – Неужели не съели до сих пор?

– Ты нашу Хаврошу не тронь! – возмутился Серега. – Она наш герой и талисман! Однажды, представляешь! Ночь глухая, тишина, дрыхнут все. А она беспокоится. И хрюкает, понимаешь, так тревожно, будто сказать чего хочет. Я проснулся, Степан проснулся, Семеныч с Кузьмичом... А она, оказывается, нас про шпиков вражеских предупреждала. Они в лагерь пробрались и вынюхивали. И если бы она хрюкать не начала, хрен бы мы их поймали! Вернулись бы фрицы в свое командование и доложили бы. А оно вот как получилось. Так что Хавроша наша – настоящий партизан!

– Чудно, – хмыкнул я. – Гуси, говорят, Рим спасли. А свинья вот – партизанский отряд. Чего только в мире не происходит...

– Все, пришли! – Серега гордо подбоченился, и выставил руку вперед. Гордо так, будто сам весь этот лагерь и построил.

– А неплохо вы тут устроились, – присвистнул я.

Лагерь устроили в низинке, причем подход так ловко замаскирован, что пока носом в брезентовый полог не уткнешься, не заметишь, что тут что-то такое есть.

В центре лагеря было даже что-то похожее на площадь – по периметру три землянки, доска, к которой пришпилена газета «Правда», несколько рукописных объявлений и пара страниц текста, отпечатанного на машинке. Кухонная зона отделена брезентовой ширмой, судя по доносящимся оттуда запахам, готовится завтрак.

И народу в лагере явно с прошлого раза стало больше.

– Федора Ильича только нет сейчас, он еще затемно в Свободное уехал, – сказал Серега. – Наташу с собой забрал.

– Что еще за Свободное? – спросил я, потягивая носом. Кашу готовят. Овсяночку. Судя по запахам, с маслом и молоком. В животе заурчало так, что даже Серега услышал.

– Так ты что, не знаешь? – вытаращился Серега. – Нешто до Пскова эти новости не дошли?

– Ты рассказывай давай! – я толкнул его локтем в бок.

– Калюжное это бывшее, – сказал партизан и снова гордо подбоченился. – Его фрицы захватили еще в самом начале, поставили там какого-то своего управляющего. Скот угнали, народ застрашали. Но село-то чуть в стороночке от дорог, там сплошь бирюки да охотники. Ну дак не о том речь! Мы смекнули, что охраны от фрицев там с гулькин хер, нагрянули да и вышибли всех оттуда. И с той поры оно стало Свободное. Следим теперь, они у нас, получается, подшефные. Жизнь там почти прежней стала. Сельсовет снова собирается, партийная ячейка образовалась. Детишки в школу ходят с самого первого сентября.

– И фрицы не пытались обратно село отбить? – я удивленно покачал головой.

– Пытаться-то они пытались, – ехидно ухмыльнулся Серега. – Но мы покамест держим оборону.

Как домой вернулся, ей-богу! Меня заметили старые знакомцы, утащили к костру, сунули в руки миску с кашей. Обступили вокруг. И пока я ел, наперебой рассказывали тем, кто не в курсе, как мы ящики со склада из-под носа у фрицев вытащили. Про гонки на грузовиках по ночному Пскову и устроенный там ночной переполох. Потом одна история потянула за собой другую, кто-то вспомнил анекдот к случаю...

И никому уже не было дела до моих диковинных ботинок и пятнистой одежды. Свой. Меня приняли в семью, и больше никого не волновали такие мелочи, как внешний вид. «Спасибо, братцы...» – думал я, чуть ли не влюбленно всматриваясь в их лица. Всякие. Были совсем юнцы, которых проще за школьной партой представить, чем с оружием. Были серьезные матери дядьки. Старики тоже были, но меньше. Безусая молодежь явно доминировала. Девчонки тоже были, в основном новенькие, раньше не видел. Узнал, что одна из трех землянок на цен-

тральной «площади» – это госпиталь. Как раз одна из новеньких девчонок его устроила. Совсем молоденькая, на вид так вообще как шестиклассница. Ее из-за этого внешнего вида не взяли санитаркой на фронт. А она уже совсем даже и не школьница, медучилище почти закончила. На фронт сама пришла, думала, к Красной Армии прибиться своим ходом, но армия отступила, а она как-то задержалась в этих краях, чуть в плен не попала. А теперь вот здесь. Собрала еще двух девчонок, научила их, с какой стороны бинты наматывать. И теперь госпиталь тут, практически настоящий.

Не успел я доесть кашу, как мне сунули в руки кружку круто заваренного чая и черствый пряник. Про пряники тоже рассказывали какую-то удивительную историю. Они поезд под откос пустили, а там в одном из вагонов пряники оказались. Думали бросить, но Степка восстал грудью буквально. Мол, что это мы, фрицам оставим наши советские пряники? Чуть не надорвались, пока вагон пряников перетаскивали. Но теперь вот есть с чем чаевничать зато...

Это все было так трогательно. И так тепло. Не надо больше прикидываться, корчить из себя кого-то другого, все по-русски говорят вокруг. В общем-то, само по себе общение на немецком у меня не вызывало каких-то особенных затруднений, конечно. Но дело ведь было не только в немецком языке...

– Доброго утречка, товарищ Волков, – раздался над самым ухом знакомый, но не очень приятный голос. Вот уж по ком не соскучился...

– И вам не хворать, товарищ Хайдаров, – я медленно повернулся к особисту и сцепился взглядом с его хорячьими глазками.

– К нам в отряд, значит, теперь пожаловали? – криво улыбаясь, проговорил он. Умиление и радость сразу же сдуло, как и не было. Народ вокруг тоже поумолк сразу, разговорчики и смешки стихли. Партизаны уткнулись кто в свои тарелки, кто принялся оружие чистить, а кто сделал вид, что птичек на деревьях разглядывает. «Ага, расслабился, дядя Саша, – мысленно сплюнул я. – Прикидываться не надо, все свои...»

– Как получится, Мурат Радикович, – миролюбиво сказал я. – Мы же с вами люди служивые. Куда Родина прикажет, туда и направимся.

– И что же на этот раз вам приказала... гм... Родина? – Хайдаров сверлил меня подозрительным взглядом. Да бл*ха! Какая муха его укусила? Вроде больше уже меня не в чем подозревать, доказал, что свой. И даже миссию свою, которую с самого начала ему озвучил, выполнил. Теперь-то что?

– Вы как позавтракаете, Александр Николаевич, в штаб ко мне загляните, – подчеркнуто вежливо сказал Хайдаров.

– Договорились. Мурат Радикович, – кивнул я и отвернулся. Принялся грызть дальше свой пряник, который как-то резко стал безвкусным. Радужное настроение пропало. Пора было снова напрягать мозги. Сколько-то времени я могу потянуть, списывая отсутствие приказа от моего командования на превратности фронтовой судьбы и всякие логистические сложности, но потом нужно будет что-то думать. Как-то легализоваться. И это будет, может даже посложнее, чем в Пскове в самом начале...

Эх, недолго я пробыл самим собой. Но и на том спасибо.

– Кстати, ребяташки, а Яшка-то где? – спохватился я. – Он же с вами ушел тогда. И Кузьма Михалыч? Тот, что дорогу грузовикам на лоханке немецкой показывал?

– Да дрыхнет твой Яшка, не волнуйся, дядя Саша! – отозвался тот парень, что придумал буксиром баржу на мост толкнуть. – В госпитале он.

– Ранили? – быстро спросил я.

– Да не, он уже тут, на подходе к лагерю ногу повредил, – ответил другой партизан из моей прошлой команды. – По лесу ходить непривычный, а нам побегать пришлось немного, ну вот и... Вроде сначала ничего, но к обеду нога распухла. Но ты не волнуйся, Марья говорит, что через недельку будет бегать опять.

– А Кузьма? – снова спросил я. – Кузьма Михалыч? Лесник?

Партизаны попрыгали глаза. Повисло неловкое молчание.

– Не было его у нас, – ответил за всех пожилой дядька с вислыми седыми усами. – Он же к Хотицам свернул, когда мы в стороны разъезжались. Ну так с тех пор мы его и не видели.

– Может еще придет, – сказал самый молодой. Жалобно так сказал. Будто сам не верил в это.

– Может быть, – я уперся взглядом в свою кружку. На поверхности остывшего чая образовалась радужная пленка, как будто бензиновая. «Куда же ты запропал, Михалыч? – подумал я. – В какой-то из деревень схоронился? Или все-таки в плену? Или...»

Даже мысленно не решился проговорить самый страшный из вариантов.

– Дядя Саша, ты бы это... – тихонько сказал мне вислоусый, коснувшись моего плеча. – Шел бы к Хайдарову. А то осерчает он, тогда добра не жди.

– Твоя правда, – сказал я и поднялся. Тут же заныли колени, спина и, кажется, даже зубы. Так мне не хотелось сейчас в эти словесные баталии, врать не хотелось. Хайдарова видеть не хотелось. У него, конечно, работа такая – всех подозревать...

Ладно, чего тянуть? Раньше сядешь, как говорится, раньше выйдешь.

Я перешагнул бревно, покинув гостеприимный партизанский кружок, и решительно направился к штабной землянке.

Пригнулся, чтобы войти в низкую дверь. Остановился на пороге, чтобы к полумраку привыкнуть. Присвистнул мысленно. По сравнению с прошлым штабом, этот обставили не в пример уютнее. Деревянные лавки покрыты вязаными половичками. На длинном столе – полосатая льняная скатерть. Самовар. Печка-буржуйка. На бревенчатых стенах развешены рисунки. От примитивных и практически детских, до вполне художественных. На стене сбоку – потемневшее зеркало, а по бокам от него занавесочки белые в красный горох. Прямо-таки, дизайнерский ход. Чтобы землянка настоящим домом смотрелась. С настоящим окном.

Хайдаров сидел за столом сбоку. Не во главе, как бы подчеркивая, что главный в отряде все-таки Слободский. А он – всего лишь скромненько с бочка пристроился.

Это плюс. Значит угрожать арестами и расстрелами прямо сейчас не собирается. Типа, поговорить хочет. Бдительность проявляет, как ему должностной инструкцией и предписывается.

– Вы присаживайтесь, Александр Николаевич, в ногах правды-то нет, – лягушачий рот Хайдарова изобразил даже какое-то подобие улыбки. От этого, правда, его лицо симпатичнее не стало. Бл*ха, какой день испортил, хорек вонючий... Сразу после этой мысли я сам себя осадил. «А ну уймись, дядя Саша! – выдал себе воображаемого леща и сел на лавку напротив особиста. Положил руки на стол и тоже растянул губы в улыбке. Мы с Хайдаровым все-таки на одной стороне фронта, собачиться нам точно не стоит».

– Историю одну хочу тебе рассказать, Саша, – тон Хайдарова сменился с подчеркнуто-вежливого на фамильярный. – Был у меня знакомец один, рыбалку очень любил. Говорил, что может даже в луже окуней наловить, была бы только снасть хорошая. И ведь так и было. Приходит на речку, где другие мужики уже много часов никого, крупнее пескаря, не доставали, снасти свои достанет, на червя поплует, и как начнет таскать одну за другой. Так и было – идут все с реки с пустыми руками, а у него – два ведра добычи. Иногда он сжаливался и отсыпал нам от щедрот рыбешек, чтобы не позорились. Но секрет никому не раскрывал, хоть мы и пытались его вызнать всеми правдами-неправдами.

Хайдаров замолчал, глядя на меня. Я тоже молчал, ожидая продолжения. Оторопел даже маленько, не понял, к чему он ведет.

– А в тридцать седьмом его расстреляли, – Хайдаров подался вперед и вцепился в меня взглядом, как когтями.

– За то, что рыбацкий секрет не выдал? – спросил я.

– За то, что предателем родины оказался, – отчеканил Хайдаров. – И врагом народа.

– Очень поучительная история, – я покивал, но ничего больше говорить не стал.

– Это я к тому, Александр Николаевич, что вы, может, и проявили какие-то положительные качества, – Хайдаров помялся. – И даже где-то героизм. Но это не значит, что вам теперь все позволено, ясно вам?

– Даже в мыслях не было, Мурат Радикович, – я простодушно развел руками. – Ни в коей мере не собираюсь подрывать ваш авторитет или что-то подобное. Я ведь у вас временно, пока новый приказ не придет...

– Новый приказ? – Хайдаров приподнял иронично бровь, но развивать тему не стал. – Вы лучше мне вот что скажите, раз уж у нас с вами такой доверительный разговор пошел...

Он раскрыл картонную папку, которая лежала перед ним на столе. Но сказать ничего не успел, потому что дверь распахнулась, и в землянку стремительным шагом ворвался здоровый тип, поскрипывая кожаным плащом, из-под которого выразительно выглядывали бордовые петлицы. На лице Хайдарова при его появлении появилось совершенно несвойственное ему желание немедленно забраться куда-нибудь под стол. А я с любопытством разглядывал новоприбывшего. Лет тридцать пять, темноволосый, до синевы выбритые щеки, в глазах за круглыми очками – смешливые искорки. Если бы не форма НКВД, то мужик был бы похож на учителя старших классов, из тех, по которым вздыхают все школьницы.

– Здоров, Хайдарыч! – новоприбывший фамильярно похлопал особиста по плечу. – Там Хавронья тебе хочет парочку шпионов выдать, сходил бы проверил сигнал, пока она в настроении.

На особиста было жалко смотреть. Он побелел, скрипнул зубами, на скулах вздулись желваки. Кажется, что он прямо сейчас взорвется. Выхватит из-под стола ствол и выпустит в охреневшего НКВД-шника всю обойму. И потом еще спляшет качучу на останках. Но ничего этого, конечно же, не произошло.

– Непременно проверю, Юрий Иванович, – отчеканил он. Встал, выпрямился и так, и зашагал к выходу из землянки. Словно доской прибитый.

А очкастый Юрий Иванович повернулся ко мне.

– А ты, стало быть, и есть знаменитый красный вервольф?

Глава 4

Почему-то я сразу понял, что очки ему не нужны. Простые стекла, это точно. Как и в тех моих, которые я с такой радостью разломал буквально пару дней назад.

– Такое дело, Александр Николаевич, – НКВД-шник по-хозяйски занял место Слободского. – Один человек в шутку прозвал меня Лавриком. А я в шутку решил примерить очки. И, знаете, это оказалось очень эффектная деталь. На нервных собеседников очень отрезвляюще действует.

Я понимающе покивал. Что же ты за фрукт такой, Юрий Иванович, что особиста нашего как школьника выпнул из штаба, а он даже пискнуть не посмел.

– Хм, надо же, – усмехнулся НКВД-шник. – Не бледнеешь, не дергаешься, руки не дрожат при упоминании Лаврентия Палыча. Значит или ты дурак из дремучей деревни, или непростой дядька, а?

«Бл*ха, даже в голову не пришло, что это проверка! – подумал я. – Получается, что прошел, потому что протормозил». Логично, я ведь из другой эпохи, в двадцать первом веке уже не бледнеют при упоминании Берии.

– А чего бледнеть, если совесть чиста? – я пожал плечами.

– Молодец, – без всякой иронии проговорил НКВД-шник и протянул мне руку через стол. – Будем знакомы. Юрий Иванович Карнаус.

Я пожал протянутую руку, не задумываясь. Да уж, реально интересный тип. Не размахивает корочками, званием не козыряет, не допрашивает требовательно. Но манеры откровенно барские, уверенные. Но взгляд при этом не оценивающий. Сильный, умный, но нет в нем этой цепкости дознавателя.

Оперативник это. Работает в поле, а не вытряхивает сведения из голов собеседников.

НКВД – организация с весьма обширной областью интересов. Там не только глубокие бурильщики служат.

Отлегло чутка, но расслабляться все равно рановато. Отличный мужик Юрий Иванович с тем же выражением лица мне может сейчас пулю в башку пустить или голову свернуть... Э, нет, дядя Саша, так не годится! Недооценивать противника – плохая практика, будешь все время считать, что перед тобой лох, прожить можешь недолго и несчастливо. Но и переоценивать тоже не след. Этот Карнаус явно мужик подготовленный, по движениям видно, что с физухой у него все в порядке, но ведь и я не пальцем деланный. Так что.

– Волков, Александр Николаевич, – ответил я.

– Мы с вами, Сан Николаич, практически ровесники, – сказал Карнаус, закинув ногу на ногу. – Может, давайте на ты? И без ненужного официоза? Как лучше, Саша или Шура?

– Саша сгодится, – усмехнулся я. – Не герром Алексом же вам... тебе меня в самом деле называть.

– Действительно, – Карнаус блеснул зубами в улыбке. – Куришь?

– Нет, – покачал головой я.

– Вот и правильно, – энергично кивнул НКВД-шник. – Я вот тоже бросил. Тогда давай к делу, хорошо?

Юрия интересовал вервольф. Осведомлен о моих «проделках» он был неплохо, иной раз даже лучше, чем я сам. Его сведения включали еще и разные слухи и сплетни, которой обросла фигура Красного Вервольфа как со стороны наших, так и со стороны немцев. Заметно, что поработал он на «отлично», информацию собрал всеобъемлющую. Но интересовало его другое. Мои мотивы. Наводящими вопросами с как бы легкомысленными шутками и комментариями он осторожно вызнавал, кроется за всеми этими вольфсангелями на лбу и плетеными

коронами из веток что-то большее, чем просто моя богатая фантазия. Но напрямую он этот вопрос не задавал.

Но он не только спрашивал. В ответ на мои откровения, рассказал мне пару историй, как крестьяне из окрестных деревень подхватили тему и даже пару фрицев точно так же после смерти расписали. Мол, дядьки решили так себя обезопасить. Порешили сборщика налогов, потом испугались и придумали, что ежели сделать вид, что это Красный Вервольф тут поработал, то может мимо них пройдет гнев фашистов.

Тема янтарной комнаты его не интересовала совершенно. Во всяком случае, обо всей этой истории он не задал вообще ни одного вопроса. Только про деятельность Красного Вервольфа.

– А скажи-ка мне, Саша, надолго ты в отряде Слободского задержаться планируешь? – спросил Юра, когда тема вервольфа явно подошла к завершению.

– Еще не знаю, – честно ответил я. – А что?

– Да дельце у меня есть одно, – НКВД-шник расплылся в загадочной улыбке. – Саша, как ты смотришь на то, чтобы твой Красный Вервольф еще поработал? Только чуть более... прицельно, а?

– Служу Советскому Союзу, – ответил я. – Странная терминология, Юра. Дельце, просьба. А почему не приказ и не распоряжение?

– Ну так я же не дурак, вроде Хайдарова, – НКВД-шник подмигнул. – Готов спорить, что он брызгал слюной и требовал от тебя звание, номер части и чтобы твой командир телеграмму ему лично прислал, так?

– Примерно, – фыркнул я. Ага, отлично. Значит Карнаус принял меня как равного. Инфу он собирал тщательно и досконально, значит не мог не отправить запросы про меня. И получил дырку от бублика во всех инстанциях. Но Хайдаров сделал из этого вывод, что я шпион и засланец. А Карнаус – что я засекречен еще больше него самого.

– Ну так что, Саша? – он подался вперед и снова протянул мне руку. – Ты согласен вместе поработать?

– Согласен, – я пожал руку в ответ.

– И будешь не против если я немного... эээ... – он покрутил в воздухе ладонью. – Внесу некоторые дополнения в твой ритуал?

– Не против, – усмехнулся я.

– Вот и славно, что мы договорились, – Карнаус поднялся. – Мне пора бежать, вот что. Детали следующей твоей операции обсудим в рабочем порядке. Скажем, завтра вечером, лады?

НКВД-шник стремительно вышел из штаба. Так быстро, что меня даже ветром обдало. Я остался в штабе один. Снаружи слышались негромкие разговоры, кто-то вроде даже песню затянул. А я обдумывал только нашу беседу. Не совершил ли я только что ошибку, вот так запросто подписавшись непонятно на что?

С одной стороны, это прямо-таки железобетонное прикрытие. Теперь уже не вымышленное, которое я в первое свое знакомство с отрядом Слободского сочинил, а более чем настоящее. Хайдаров во всяком случае точно перестанет ко мне цепляться, он от этого милейшего парня Юры по прозвищу Лаврик бледнеет с лица и нервно дергается. С другой... А что с другой? Ну да, я не имею представления, чем занимаются эти НКВД-шники с неизвестными мне эмблемами. Археологический лагерь Аненербе захватили, этнографа из Пскова вытащили... Ясен пень, я читал во времена оны разные конспирологические статейки о том, что в СССР тоже проводились мистические и оккультные эксперименты. Про то, как некий Глеб Бокий под руководством самого Железного Феликса заигрывали с ясновидением. Что-то еще про проект «Орион» попадалось... Хотя это вроде про более поздние времена. Да и вообще вроде как фейк. С третьей стороны, да ну и что? Допустим, эти ребята и впрямь из того самого секрет-

ного отдела, который аналогичен немецкому Аненербе, я-то что с этого теряю? Ровным счетом, ничего. Одни сплошные минусы...

Ворохнулась, конечно, на задворках сознания предательская мыслишка. А что, если они и правда могут что-то запредельное? Подправит этот обаятельный хрен в фальшивых очечках мой псевдоритуал, а я и начну настоящей шерстью обрастать и на луну выть в особо драматичные моменты.

Я фыркнул.

Да ну, бред какой-то.

Пойду лучше Яшку в госпитале навешу.

– Дядя Саша! – возглас Яшки раздался еще до того, как я успел его разглядеть. – Живой! А я уж тут себе напридумывал... Ф-ух, счастье-то какое!

– Здорово, Яшка! – я оглядел внутреннее убранство партизанского госпиталя. Эта землянка изнутри была еще больше, чем штабная. По обеим сторонам – двухэтажные дощатые нары, в дальней части – три комода кухонных. Явно из деревни какой-то доставили. Пахнет карболкой, хлоркой, лекарствами. Смертью и болью тоже пахнет, не без этого. Но сегодня тут царил скорее атмосфера курорта. Раненых было всего четверо, да и те явно не тяжелые. Устроили себе на нижних нарах «лаундж-зону» из матрасов и подушек, керосинку поставили и в картишки дуются.

– Прошу пардон, ребята! – Яшка живенько швырнул свои карты в сброс и подполз к краю. – Дядя Саша, подсобишь мне? Выбраться на свежий воздух хочу, сил нет!

Я с готовностью подставил плечо, и мы поднялись наружу.

– Ладно, хорош прикидываться, – сказал я, когда мы отошли чуть в сторонку. – Что-то мне подсказывает, что ты не так чтобы сильно и ранен.

– Дядя Саша, да что ты говоришь такое? – Яшка прижал руки к сердцу в самом что ни на есть искреннем возмущении. – Нога так болит, что даже поставить мочи нет!

Потом зыркнул по сторонам воровато и наклонился ближе ко мне.

– Эх, еще вчера болеть перестала, – шепотом сказал он. – Только не говори никому!

– Так ты симулянт, получается? – хмыкнул я. – Не успел в партизанский отряд попасть, а уже от боевых заданий косишь?

– Так я же не от боевых, дядя Саша! – глаза Яшки стали испуганными и жалобными одновременно. – Ежели бы заваруха какая случилась, я бы сразу эту шину сорвал. Нет-нет, я не поэтому! Я же и правда ногу подвернул сначала! Опухла так, что мама не горюй! Разве я виноват, что у их медички золотые руки?..

– Ну-ну, давай заливай! – фыркнул я. Блин, вот ведь Яшка, а! Такое трепло, но сердиться на него совершенно невозможно! Даже если он чушь всякую несет или делает.

– Дядя Саша, я хочу жениться! – выпалил он. – Да подожди ты скалиться, знаешь, какая у них тут медичка? Я ее как увидел, так с первого взгляда влюбился. И на всю жизнь, клянусь! А у меня нога, как назло, зажала! И не болит, чертяка! А ежели я из госпиталя сразу выйду, то как тогда к Марье подойти, она же тут – ух!

Я с умилением слушал, как Яшка рассказывает про свою прекрасную Марью. Слободский ее с самым серьезным видом зовет по имени-отчеству – Марья Ильинична, несмотря на то, что она выглядит совсем девчонкой. А партизаны за глаза называют Маняшей. Но любя, а не потому что считают маленькой дурочкой. Она тут их всех в ежовых рукавицах держит. Проводит просветительскую работу, заставила всех зубы чистить и гигиену поддерживать. А все слушаются, даже матерые дядьки.

– Быстрый ты, однако, – я покачал головой, когда его поток славословий иссяк. – Один день знакомы, а ты уже жениться собрался.

– Это как стрела в сердце, дядя Саша, клянусь! – Яшка снова прижал руки к груди. Потом опять воровато огляделся, не подслушивает ли кто. – Слушай, меня тут один тип про тебя расспрашивал. Жутковатый такой, в очках...

– Карнаус? – усмехнулся я.

– Такой вроде веселый, шутил постоянно, – продолжил Яшка, не обратив на мое уточнение внимания. – А глаза как будто волчьи, до костей пробирает, клянусь. Как-как ты его назвал?

– Карнаус, – повторил я. – Фамилия такая у него.

– Ох... – Яшка округлил глаза. – А ведь он мне и не представился даже... Получается, что я какому-то безымянному типу все выложил? Вот я балбес, а... Дядя Саша, ты уж прости меня, дурака...

– Так у своих же ты, чего тут было скрывать-то? – я пожал плечами.

– Он про вервольфа все расспрашивал, а я ему взял да и выложил, что это я среди фрицев растрезвонил историю про человека с головой волка и его мертвую невесту, – затараторил Яшка. – Все-таки, язык мой без костей, метет иной раз как помело, хрен остановишь...

– Забей, Яшка, – я хлопнул приятеля по плечу. – Виделся я с твоим жутким типом сегодня.

– О как! – он подался вперед, глаза заблестели любопытством. – И что? Что?

– А что там сделали с носом любопытной Варвары? – я ухватил Яшку за нос. – Не обижайся, дружище. Служба.

– Понял, умолкаю! – Яшка захлопнул рот ладошкой. Но продержался недолго, секунды три. – А я ведь еще вот что хотел сказать, дядя Саша...

– Приняли-то тебя как? – перебил я его. – Не обижают?

– Да нормально все... – немного растерянно ответил Яшка. – Хорошие ребята...

– Хайдаров прицепился? – понимающе покивал я.

Яшка вздохнул и повесил голову. Похоже, не только в Марье-прекрасной дело, что Яшка мой одноногим прикидывается. Меня хорьку-Хайдарову теперь не достать, руки короткие, а вот на Яшке-то он может сполна отыгаться. Припомнить ему, что баранку для фрицев крутил, да белую повязку полицаю носил, пока в психушке «отдыхал».

– Боюсь я его, дядя Саша, – прошептал Яшка. – Он меня сразу невзлюбил, как только увидел, хорошо, ребята заступились. И Марья еще... Ох и девка! Как она его отбрила, когда он в госпиталь сунулся, чтобы мне допрос устроить! «Вы, говорит, товарищ Хайдаров, свои разговоры мне здесь не ведите! Раненым покой нужен, ясно вам?»

– Подумаем, что можно сделать, Яшка, – я рассеянно потрепал его по плечу.

– Он меня сразу же коллаборационистом обозвал и перебежчиком, – шепотом продолжил Яшка. – И военно-полевым судом пригрозил, мол все по закону будет, чтобы я не думал, что мне вот так с рук все сойдет.

– Разберемся, – я скрипнул зубами. Вот бл*ха... А ведь Хайдаров может ведь и не отцепиться от Яшки так просто. Действительно придется что-то придумывать, чтобы его из-под прицела Хайдарова вытащить. После унижения Карнауса он еще злее станет, наверняка. Меня достать не может, будет на Яшке отыгрываться.

– А, так я что еще сказать-то хотел! – Яшка встрепенулся и снова оживился. – Слободский Беккера в плен взял! Я сначала глазам своим не поверил, когда мы нос к носу столкнулись в лагере.

– Беккера? – нахмурился я, припоминая, кто такой Беккер. – Толстенький такой, из отдела пропаганды?

– Да нет, другой! – Яшка махнул рукой. – Тот толстенький – Вебер. И он не эсэсовец. А Беккер – тощий такой, с шрамом на глазу. Штурмшарфюрер.

– А! – припомнил я одного из своих собутыльников. – Из Аненербе. Фотографию своего кота еще всем показывает.

– Да-да, он, – покивал Яшка и сделал «значительное лицо». Будто я уже должен сделать какие-то выводы.

– Ну и что? – я пожал плечами. – Мы на войне, тут бывает пленных берут.

– Так этот Беккер вроде как договорился, чтобы его обменяли на кого-то! – воскликнул Яшка. – А он в лицо меня узнал. Получается, что в Псков я теперь уже точно вернуться не смогу.

– Какой-то ты непоследовательный, Яшка, – усмехнулся я. – То говоришь, что засветился, и тебе больше нельзя среди фрицев быть, а теперь какого-то Беккера испугался. Ты определись уже! Ты хочешь в партизанском отряде остаться или обратно в коллаборанты к фрицам вернуться?

– Не знаю я, дядя Саша, – снова пригорюнился Яшка. – Если этот Хайдаров от меня не отцепится, мне ведь бежать придется. А куда тут бежать-то? Только в Псков, получается. А Беккера отпустят, так он живо меня сдаст, что я из партизан.

– Эх, Яшка, вредно тебя одного оставлять, вот что! – я рассмеялся. – Столько всего уже наворотил, хрен распутаешь. И жениться хочешь, и Хайдарова боишься, и печалишься насчет Беккера...

– Хорошо, что ты живой, дядя Саша, – Яшка коротко вздохнул. – Ты вернулся, и сразу как-то жизнь проще кажется. Не буду больше огород городить. Как ты скажешь, так и сделаю, вот. Хоть в огонь, хоть в воду, лишь бы с тобой.

– Я тоже рад, что ты жив, Яшка, – улыбнулся я. – Кстати, а может ты слышал чего про Кузьму?

– Так это... – начал Яшка, но тут из центра лагеря послышались громкие голоса. Я вскочил и приложил ладонь ко лбу.

– Кажись, Слободский вернулся, – проговорил Яшка. «Наташа!» – радостно екнуло сердце.

– Ну что, проводить тебя до госпиталя, или еще тут посидишь? – спросил я.

Я выскочил из землянки для раненых и торопливо направился к компашке партизан, сгрудившихся вокруг командира. Пришлось даже себя чутка притормозить, а то мчусь, как школьник на свиданку с радостной рожей. Букетика цветов в руках не хватает.

Слободский стоял в центре и, судя по выражению лица, рассказывал какие-то радостные новости, рядом с ним стояла Наташа. Серьезная такая, в форме и с винтовкой за плечом. Давненько я ее такой не видел, все больше в городских платьях или вообще замаскированной под старуху. Я протиснулся вперед. Лицо Наташи сначала расцвело счастливой улыбкой, когда она меня заметила. Сердце так радостно заколотилось от предвкушения, что сейчас я обниму свою милую снайпершу. Но длилось это ровно секунду. Улыбка моментально завяла, лицо Наташи снова стало серьезным и даже как будто испуганным. На меня она больше не смотрела. А смотрела совсем в другую сторону.

Глава 5

Я проследил за ее взглядом и уперся в бравого парня с кучерявым чубом и в тельняшке. Того самого, с доски почета, с которым она когда-то близняшек из леса выводила. В тот самый раз, когда я ее у фрицев отбил. Он тоже смотрел на меня. Вот только не бравым соколом, как с доски почета. А хмуρο так, исподлобья.

К Наташе мы шагнули одновременно. Только он оказался ближе. Приобнял Наташу хозяйски так и глянул на меня с таким победным прищуром.

– Ну что, Наташка, когда жениться будем? – заявил он голосом первого парня на деревне. Картузика с гвоздичкой только для полного образа не хватает. И гармошки в другой руке.

– Степа, ну ты чего? – смущенно пробормотала Наташка, щеки ее залились румянцем. На меня она не смотрела, кажется, вообще не знала, куда деть глаза. И как будто попыталась вывернуться из его объятий. Но не стала.

– Не рановато ли с такими предложениями-то, а, герой? – вполголоса сказал я, сунув руки в карманы. Кулаки зачесались, подправить степкину самоуверенную физиономию.

– А чего тянуть-то? – ухмыльнулся Степа. – Жизнь сейчас такая, что долго кочевряться вроде и не след, а, Натаха?

Он прижал девушку еще крепче и посмотрел на нее снизу вверх.

– А может девушка другого мнения? – криво ухмыльнулся я. И тут меня как пыльным мешком по башке долбануло. Это что это ты делаешь, дядя Саша? Хвост распетушил, кулаки разминаешь, да? Как будто сам уже собрался семью заводить, дом строить и чтобы детишек – семеро по лавкам, а? Ты же чужак! Что ты знаешь про Наташку и этого первого парня на деревне? Может они как раз поженились и нарожали пятерых героев ударного труда, которые после войны Союз восстанавливали, со всем пылом рьяных строителей коммунизма. Влезешь сейчас, начистишь этому сопляку рыло, Наташка за тобой потянется, а ты сгинешь через месяц. В этой своей гравитационно-временной сингулярности или как оно там называется, то самое, что меня в сорок первый год забросило... И получится, что янтарную комнату ты в музей вернул, а жизнь человеку сломал. И не одному человеку, а сразу многим. А кто-то и вообще не родится.

Я откашлялся и проглотил слова, которые только что собрался сказать. Пресек на корню, так сказать, эскалацию конфликта. Вместо этого улыбнулся во все зубы и протянул партизанскому герою руку.

– Здорово, Степан батькович, – сказал я. – Нам вроде как раньше не случалось видеться, но наслышан, наслышан! – потом глянул на девушку, которая все еще стояла, опустив взгляд и с пунцовыми щеками. – Привет, Наташа!

Парень от такой резкой перемены тональности слегка обалдел и захлопал ресницами, как теленок новорожденный. Но опомнился быстро. Сопоставил, надо думать, в своей геройской голове, что такой вариант для него всяко лучше, чем звиздюлей получать. Так что он от Наташки руку убрал и сунул мне.

– И я о тебе слышал, Саша, – пожал мне руку, но торопливо так отпустил. Будто подвоха какого ожидал. И, если не кривить душой, я бы этот подвох ему с превеликим удовольствием организовал. Но вместо этого я хлопнул его по-товарищески по плечу и повернулся к Слободскому.

– Так вы теперь с нами, получается, Александр Николаевич? – спросил командир партизан, когда мы отошли в сторонку от всех остальных.

– Ну если не прогоните, то хотелось бы, – сказал я, простодушно разводя руками. – Пока новых распоряжений не поступит.

– Это хорошо! – повеселел Слободский. – Нам такие люди, как ты, ох, как нужны! Отряд-то, как видишь, разросся, но людей с настоящим боевым и диверсионным опытом, как говорится, хрен да маленько.

– Весь ваш, с потрохами, можно сказать, товарищ Слободский! – браво сказал я, отчаянно борясь с желанием бросить взгляд в ту сторону, куда ушли Степа с Наташкой. В прошлый раз, когда смотрел, он ей что-то тихо втолковывал, а она молча слушала с хмурым лицом. Эх, бл*ха, знать бы наверняка, как нужно поступить... Это с фашистами ведь просто – бей, не жалей, и весь разговор. А тут... А тут надо головой сначала подумать, а не другим местом. Надо будет с Наташкой по тихому переговорить, когда его рядом не будет, чтобы дров не наломать...

– ...так как, возьметесь за операцию? – спросил Слободский, и я понял, что прослушал все, что он говорил.

– Да не вопрос! – не разбираясь, согласился я. Резонно подумав, что вряд ли Слободский предложил мне на светский раут с танцами пойти. А мне сейчас в самый раз бы голову отвлечь от набившихся в нее непрошенных мыслей о личной жизни.

– Это просто прекрасно! – просиял Слободский. – Тогда сейчас я несколько распоряжений отдам ребятам и жду тебя в штабе.

– Только это... – я придержал командира за рукав. – Можно Яшку моего тоже прихватить? Ему бы отличиться как-то, а то к нему Хайдаров прицепился, мол, коллаборционист, перебежчик... А он парень-то хороший и свой в доску, я ему сколько раз уже спину подставлял.

– Так у него же нога... того... – прищурился Слободский.

– Уже лучше ему, сейчас только навещал, – усмехнулся я.

– Ну что ж... – лицо Слободского стало замкнутым. Сомневается командир, не сработало на него фирменное яшкино обаяние. Или с Хайдаровым не готов пока что спорить.

– Да вы не сомневайтесь, товарищ Слободский! – заверил я. – Под мою ответственность, а? Чем хотите поклянусь, что Яшка не подведет.

– Ладно, – будто через силу кивнул командир. – Но в штаб пока что без него приходи.

– Само собой, – я кивнул. И не удержался от взгляда в сторону Наташи.

Они все еще разговаривали. Только теперь говорила она, а ухажер ее слушал. И корчил подозрительные гримасы. Кулаки снова зачесались. Влепить бы тебе, Степа, разок в челюсть. Лицо он тут корчит, смотрите-ка! Да ты прыгать от радости должен козлом, что такая девушка, как Наташа, с тобой вообще разговаривает!

Я отвернулся, тряхнул головой. Двинул кулаком в ближайшее дерево.

Дурацкая ситуация.

Самое то сейчас отправиться фрицев крошить направо и налево. Никому пощады не будет...

Постоял еще в одиночестве некоторое время, выплюнул недожеванную травинку и направился к штабу.

***

Сергея высунулся из-за валуна и орлиным взором обозрел окрестности. Наблюдательный пост мы выбрали отличный – пологий холмик на берегу озера был доминирующей высотой, и обе дороги, ведущие к Свободному отсюда отлично просматривались. Ну то есть как, дороги... Накатанная развороченная тележными колесами колея на самом деле вела в никуда, до лесной просеки. А вторую назвать дорогой – это в лучших чувствах оскорбить все на свете словари, которые считают, что дорога – это полоса местности, приспособленная для движения транспортных средств. Так вот дорога до Свободного была приспособлена для чего угодно, только не для транспорта. Яшка, уж на что водитель опытный, и тот не смог до самого места на лоханке доехать. Пришлось вылезать из машины и выталкивать в одном месте. А последний километр

пришлось пешком топать. Впрочем, как раз эта самая дорога, а точнее – ее отсутствие оказалось самым лучшим защитным сооружением, которое можно было в условиях Псковской области соорудить.

– Что-то меня сомнения берут, – Серега почесал пегую бороденку. – Может все-таки тот парень не расслышал? Чего бы им к ночи-то приехать, а?

– Не могу знать, Сергей Гаврилович, – я приставил к глазам бинокль и присмотрелся к опушке леса. Вот зараза, надо будет после всего лещей раздать! Отчетливо так струится дымок. Курит кто-то! Курить в засаде – это последнее дело. В другое время, стоило тебе затаиться, ты на всех тепловизорах начинал светиться, как новогодняя елка. Мишень, можно сказать, себе на лоб цеплял. И светящуюся всеми цветами неона вывеску над головой: «Стрелять сюда!»

Здесь в сорок первом тепловизоров еще не было, конечно. И если, мол, огонек чашечкой из руки вот эдак прикрыть, то со стороны и незаметно. Ну да. Только вот сейчас еще не ночь. До заката еще верных полчаса. Так что светящийся огонек заметно и не было бы. Зато дым...

– Сучий потрох... – сквозь зубы прошипел я. Ведь если я его вижу, значит и фрицы могут увидеть. А смысл засады, прежде всего в том, что она внезапная!

– Что там? – забеспокоился Серега. – Едут что ли?

– Да кое-кто без табачной соски, я смотрю, обойтись не может, – процедил я зло. – Как на ладони теперь!

Я повернулся к Сереге, бинокль передать, чтобы он сам оценил масштаб, так сказать, катастрофы, но тот как-то резко завозился, чем-то зашуршал, спешно записывая руку в карман.

– Дак я это... – смущенно заметался он. – Привычка, будь она неладна! Мозга еще не соображает, а пальцы уже козью ножку скрутили.

– Ты смотри мне! – я грозно свел брови, но тут же усмехнулся. – Ладно, проехали... Главное, чтобы не пропустили момент.

Я снова уставился в бинокль.

Село Свободное было не таким уж и маленьким, на самом деле. Даже церквушка своя имелась. Советская власть это дело не одобряла, но до этой глухомани погромы не докатились, так что красовалась белокаменная башенка на берегу как новенькая практически. Рядом с беленым зданием сельсовета, над которым развевался на слабом ветерке красный флаг.

Захватили Свободное, которое тогда называлось Калюжным, еще в июле и практически случайно. Один немецкий отряд то ли в лесу заблудился, то ли что, но как-то они сюда добрались, а селяне оказались к этому совершенно не готовы, так что отбиться не смогли. А село было хоть уединенное, но вполне зажиточное. Так что фрицы поначалу порадовались, обирая местных жителей на продовольствие. Вот только удержать его оказалось много сложнее. Аборигены оказались людьми практичными, и поэтому дергаться на винтовки и автоматы не стали, а потом по-тихому, и не без помощи партизан, немецкую администрацию перебили.

Пару раз комендатура Пскова пыталась сюда заслать рейды, чтобы призвать поднявших головы русских к порядку, вот только дорога тут была не очень, а танки требовались в других местах. Так что пока что Свободное оставалось свободным.

И партизаны, опять же, помогали.

И вот вчера один из информаторов Слободского сообщил, что фрицы собираются-таки еще разок попытаться атаковать. И как раз в этой миссии Слободский и попросил меня принять участие. И выделил под это дело три десятка бойцов. Вот только мы сидели на своих позициях уже второй час, и пока что атаки фрицев было не видно. И от дозорных наших никаких сигналов не поступало.

– Да не придут они, говорю же! – снова повторил Серега. – Я фрицев нюхом за версту чую!

И сразу после его фразы бухнул первый взрыв и застрекотала пулеметная очередь.

– Подвел тебя твой нюх! – хмыкнул я.

– Так ведь больше версты тут... – растерянно ответил Серега, схватившись за мосинку.
– Погодь, рано еще, – притормозил я его и снова приник к окулярам бинокля. Откуда эти фрицы выползли? И почему наш дозорный сигнал не подал?

На опушке появились первые мотоциклы. И тут же встали перед огромной лужей.

Опа! Первого догнала пуля кого-то из наших!

Остальные «серые» тут же со своих железных коней слетели и залегли кто в грязи, кто в кустах.

Я бросил быстрый взгляд в то место, где должен был над лесом затрепыхаться флажок, как только появятся немцы. Флажка не было.

Ладно, хрен знает, что там случилось. Может дозорный наш уснул, может фрицы сквозь лес пробирались, а может заметили его и сняли, тоже ведь не первый день воюют, всякое случается. Потом узнаю.

А сейчас пора работать.

– Держи, – я бросил Сереге бинокль. – Ты куда это намылился? Приказ забыл? Сиди здесь, следи за окрестностями. Подавай знак, если вдруг еще один отряд появится.

– Да помню я! – Серега порывисто вздохнул. – Ступай с богом, Санек! Задай им жару!

Я живенько скатился с холмика в сторону берега и аккуратно двинул вдоль забора.

План обороны деревни был, конечно, не ахти какой – по дороге устроить засаду, посечь, сколько успеем из пулемета и гранатами забросать. Но дорога там не только для проезда неудобная, она и для засад не то, чтобы очень. Нет нам узких мест, где можно было бы зажать колонну. Лес, конечно, сплошной, но с дороги пешим ходом запросто можно сойти и укрыться за ближайшим деревом. Так что, как ни пытайся, всех все равно не положишь.

А тех, что дойдут, бить уже в деревне. Там засели и наши бойцы, и местные мужички, в основном пожилые дядьки и суровые бабы. Детей и прочих частично вывели в лес, частично попрятали по погребам.

За углом забора присел крепенький мужичок с двустволкой. На мои шаги дернул стволом, но за секунду буквально опознал и снова подался вперед, как сторожевая собака.

– Прут, собаки сутулые! – пробормотал он в усы. – Ох, и много их что-то в этот раз...

– Ничего, сейчас проредим, – усмехнулся я. – Давай, вон к той избе, прикроешь меня, если что.

Мужичок понятиливо кивнул, и мы принялись обходить приземистый сруб с наглухо закрытыми ставнями с двух сторон.

Ага, а вот и первые! Сначала шепоток на немецком, потом из-за забора показалась каска. Хрен, я на это поведусь, до темноты еще далеко, и мне отлично видно, что каска на прикладе винтовки держится.

– Никого нет! – раздался уже более громкий голос, и сразу же показалась голова.

Вот этого я и ждал, жопа фашистская! Ухватил за ухо, дернул, полоснул по сонной артерии, толкнул обратно, чтобы кровью меня не забрызгал.

– Ааа! Засада! – успел крикнуть второй, но его крик заглушил взрыв гранаты неподалеку. Я перескочил через труп его товарища, отбил в сторону дуло винтовки и воткнул в его горло нож.

Минус два.

Кивнул высунувшемуся из-за дома дядьке с ружьем и двинул вдоль забора дальше.

Выглянуть из-за следующего дома не получилось – от леса заработал пулемет, высекая искры из кирпичей и щепки из забора. Я залег в палисаднике за углом дома.

Отполз под прикрытие, поднялся на ноги, дождался, когда трещотка выдохнется, перебежал открытое место и снова залег.

Давайте, гады! Одними патронами вы деревню не захватите!

Пулемет вдруг заткнулся. Раздалась беспорядочная пальба и крики. Быстро выглянул.

Десяток фрицев залегли на краю леса и пытаются отстреливаться от наших, а остальные ломанулись так форсировать огромную лужу, из-за которой они не смогли триумфально въехать в село на мотоциклах.

Многовато, бл*ха, не меньше сотни! Почему наш второй пулемет молчит, тот, что на колокольне?

Я привстал, чтобы посмотреть, что там случилось.

Бах! Бах!

Заметили!

Перекат, подлезть под забором и прыжком сквозь малинник в соседний огород.

В то место, где я только что был, прилетела граната.

В голове зазвенело, перед глазами запрыгали цветные пятна.

Да что там с нашим пулеметом?!

Так, вон там высокий забор, можно за ним проскочить, и как раз будет видно колокольню.

Опачки... «У меня две новости для тебя, дядя Саша, – пробормотал я себе под нос. – Хреновая и еще хреннее». С колокольни свешивалось тело нашего бойца. Скорее всего в селе Свободном имелся фашистский прихвостень, который ударил его в спину.

Ладно, сволота, мы и без пулемета справимся... А гниду эту я потом самолично найду и в сортире утоплю, заррраза такая!

Главное в уличном бою – не дать противнику загнать себя в угол и сосчитать. Когда я понял, что поддержки пулемета у нас нет, то начал действовать по плану Б – в смысле перемещаться по деревне с максимально возможной скоростью, чтобы создать впечатление, что защитников сильно больше, чем на самом деле.

Вынырнуть из-за угла, прицелиться, бах!

Есть! Фриц нелепо взмахнул руками и повалился в грязь. В то место, где я только что был, тут же принялись палить, но поздно, камрады, поздно! Ваш вервольф уже занял позицию за старой раскидистой яблоней и...

Бах! Бах!

Минус два!

Успею еще пальнуть!

Бах! Эх, черт, промазал!

Теперь перемахнуть через забор, бегом вдоль сарая, там дальше очень удобный куст, для очередной огневой позиции.

Ну давай, немчура, высунься из-за угла сельсовета, я знаю, что ты там засел!

В образовавшееся внезапно затишье вдруг вклинился негромкий хлопок. И над холмом, где засел Серега, взлетела красная сигнальная ракета.

Глава 6

Твою ж мать... Кого-то еще фрицы подтянули! Будто этих нам мало, да еще и среди своих какой-то предатель затесался! Я быстро взобрался по приставленной к сараю лестнице, чтобы оценить обстановку.

Ага, правый фланг деревни, похоже, пока еще за нами. Трое партизан азартно отстреливаются из-за высокого забора. Левый... Хрен пойми. А вот и то самое подкрепление, о котором ракета была.

Бл*ха! Лужу форсировали фрицы с громоздкими рюкзаками и чем-то вроде пожарных брандспойтов в руках. Тяжелые огнеметы.

Фрицы вовсе даже не собираются захватывать Свободное и призывать его к порядку. Хлопотно это, возиться с мятежными отдаленными деревеньками. Они просто хотят пожечь тут все под корень.

Плохи наши дела. Я живенько скатился с лестницы, пока в мою сторону не начали палить все, кому не лень.

Так. Я быстро огляделся. Пулеметчика нашего некий неизвестный убрал. Но пулемет все еще торчит с колокольни. Значит надо всего лишь занять его место, пока огнеметчики месят глубокую грязь и не расчехлили свои орудия.

Из сложного – перебежать небольшой кусок открытого пространства между сельсоветом и церквушкой.

Я пригнулся и нырнул за угол. Пара пуль тут же выскочили из стены искры за моей спиной. Так, теперь обойти здание с другой стороны... Бл*ха, надо будет местному парторгу пистон вставить за то, что свалку устроили прямо за сельсоветом. Ноги переломать можно, сколько мусора навалили. Какая-то мебель сломанная, хлам непонятный...

Теперь самое сложное. Следующие метров двадцать простреливаются на «ура». Наверняка там засело несколько фрицев и будут палить по мне, как только я высунусь. Не к месту вспомнился какой-то боевичок, где адептов не то культа, не то секты учили, что все пули летят по определенным траекториям, и если определенным образом двигаться, то ни одна в тебя не попадет. И главный герой там еще очень эффектно кувырчался в потоках вражеских пуль. Хорошая теория. Жалко, что звездеж.

Самое неприятное, что все еще очень светло. Солнце почти закатилось, но на фоне белой стены церкви я буду сиять прямо-таки идеальной мишенью.

Ладно, ничего тут не попишешь. Время тратить запас на крайний случай, думать вообще некогда.

Гранат у меня было всего две. Взял на всякий случай, не думал, что понадобится. Поработают завесой.

Рванул чеку с одной, высунулся из-за угла, швырнул, отскочил на секунду.

Бабах!

Теперь вперед, пока пыль от взрыва не осела. Пули щелкали по стене, но частота и прицельность такая себе, если повезет...

Теперь вторая граната, прямо на бегу.

Бабах!

Близко рванула, заррраза... Взрывной волной меня ощутило так швырнуло в стену, едва на ногах устоял. Кто-то заорал на немецком по ту сторону взрыва. Но я не разбирался. Взлетел на крыльцо, рванул дверь.

За мгновение чуть было не поседел и кони не двинул. Дверь же могла быть и ЗАКРЫТА, только я об этом не подумал.

Ф-ух, пронесло. Тяжелая дубовая створка скрипнула и впустила меня внутрь.

Хлоп... И вот я уже в сумрачном пахнущем ладаном помещении церкви. Выстрелы зазвучали глуше. Пара пуль попала в дверь, но ни одна не пробила.

Надо чем-то это заклинить... Тут явно раньше был засов, но кто-то позаботился, чтобы его под руками не было – петли были пусты.

Что бы такое приспособить? Я быстро огляделся. О, скамья! Годится...

Я метнулся вправо, подхватил скамейку и с силой втолкнул ее в петли засова. Да уж, храм вроде маленький, а двери как в средневековой крепости.

Святые укоризненно смотрели на меня со стен и потолка. Ну, простите ребята, такая уж работа. Вас, можно сказать, тоже спасаю, вряд ли те ребята с ранцами фламменверферов падут ниц перед образами православной деревенской церквушки.

Любоваться искусством времени не было, в любой момент огнеметчики могли запустить свои адские машины, и спалить гордое Свободное со всех четырех концов. Дело, конечно, небыстрое, но лучше бы поймать их до того, как куча дворов запольхает вонючим пламенем.

Ага, лестница на колокольню, похоже, вон там, за кирпичным простеночком.

Я втиснулся в узкий проход почти вертикальной лестницы с высокими ступенями.

Сейчас главное – не навернуться на этой гениальной конструкции. По всем законам фортификации построено – чтобы максимально затруднить проход врага наверх.

Вот только расшибить голову о ступени в мои планы не входило.

Опа...

Что-то загордило тусклый свет наверху. На фоне темнеющего неба четко обозначился силуэт человека, который целился в меня из винтовки.

Внутри что-то оборвалось. Ну вот и все. Из такой позиции даже слепой не промажет.

Вот так бесславно ты свои дни и закончишь, дядя Саша...

Но неизвестный противник, вместо того, чтобы радостно давить на спусковой крючок, принялся махать в мою сторону штыком. Патронов у него что ли нет?

– Шуруй давай отседова! – проскрипел он. А голос-то дрожит, психует, тварь такая!

– Ага, уже хвост поджал, сучий потрох! – я уклонился от штыка, прынул вперед и ухватил винтовку. Рванул на себя. Принял в свои горячие, так сказать, объятия, это тело и со всего маху шваркнул его о кирпичную стену. Эх, коридор узковат, удар получился не так силен, как мог бы! Незнакомец выпучил глаза и захрипел. Винтовка выпала из его ослабевших пальцев.

Я выволок эту сволочь на колокольню и еще раз со всей дури приложил его башкой об пол. Подхватил винтовку, думал всадить в него штык, но передумал. Это же он, гнида позорная, убил нашего Кольку! Если замочу его вот так просто, то тварь даже испугаться как следует не успеет. Нееет, паскуда, ты у меня еще поживешь. Недолго и несчастливо, правда, но такая уж судьба у тебя!

Я приложил его прикладом по башке, и он отрубился. Если убил, то повезло гаду.

Но надо будет поглядывать, пока стрелять буду, чтобы в себя не пришел раньше времени.

Колька наполовину свешивался наружу, зацепившись ногой за колесо. Ну да, картина преступления ясна, как божий день. Наш пулеметчик заправлял ленту, привстал над станком. А эта сволочь подкралась со спины и всадила ему чуть ниже шеи штык.

Я втянул Кольку обратно на колокольню. Земля тебе пухом, брат-партизан... Спи спокойно, Колян, я у пулемета подежурю.

Пулемет Максима – совершенно безотказная машина. Я даже в своем времени пару раз из такого стрелял. В 1910 году машинка сделана, а убойной силы не потеряла.

В мое время. А этому-то не больше тридцати. Но судя по его виду, судьба у него была очень даже героической.

Я плюхнулся на живот и схватился за станок. Крайний дом в селе запольхал. Сразу следом за ним – второй. Ну все, гаврики, теперь мое соло!

Поймал в прицел первого фрица с рюкзаком за спиной. Ага, вот он семенит, переваливаясь, как утка. И два других типа в касках его прикрывают. Плавно надавил на гашетку. Пулемет затрясся, выплевывая смертоносные кусочки свинца. Уши заложило от грохота, но на эти неудобства я внимания уже не обращал. Ранец огнеметчика лопнул, разбрызгивая густое содержимое. Большая часть плеснула на самого огнеметчика, но на его прикрытие тоже изрядно попало.

Через секунду горячая смесь вспыхнула, и чудом оставшийся после моей короткой очереди на ногах фриц заплясал взбесившимся факелом.

«Тра-та-та!» – запел пулемет свою грохочущую песню. Второй огнеметчик успел упасть на землю, так что пули прошли его ранец сверху. Жижра растеклась по его трупу огнеопасной лужей.

Какая удобная позиция, все поле боя как на ладони, хрен спрячешься, вражина! Пули безжалостно секли фрицев, а я продолжал давить и давить на гашетку, ворочая тяжелый станок из стороны в сторону.

Бл*ха, патроны кончились. Я ухватил из кучи рядом с пулеметом новую ленту. Так, заряжается он как-то очень просто – сунуть в паз, дернуть рычаг... Я приподнялся, и тут же что-то ужалило мое плечо. Ну да, где-то на опушке засел снайпер, ясное дело.

Но с тобой мы еще разберемся. А пока надо проредить наступающих. И выключить из боя долбанных огнеметчиков! Их осталось еще трое. Где там следующая мишень?..

Бой завершился уже в ночи. Наши ребята еще дорезали последних ныкающих среди домов фрицев, а местные мужички уже принялись тушить горящие дома. В сгустившейся темноте от озера до полыхающих крайних домов выстроилась цепочка, по которой передавали ведра, кастрюли, котелки и крынки. В ход шли любые емкости.

Расстреляв все патроны, я еще разок проверил, что там с предателем. Еще дышит, гнида позорная... Я скрутил ему руки за спиной и сволок вниз. Выбил скамью из петель и бросился помогать тушить пожар.

У одного из горящих домов причитала крепкая баба в обнимку с охотничьим ружьем. Пыталась броситься в огонь.

– Дочка! Доченька моя там! – голосила она.

– Стой, дура! – мужик, тот самый, с которым мы уже сталкивались в самом начале боя, обхватил ее за талию и крепко держал. – Сама сгоришь! Сейчас потушим...

Чадное пламя, дым режет глаза...

– Топоры! Топоры несите!

– Сюда лей!

– Сейчас обрушится!

– Водой на меня плесните!

В снопах искр рухнули перекрытия. По полыхающим углям на пожарище бросились трое мужиков с лопатами.

– Живая девка, не реви мать!

* * *

Я сидел в уголке кабинета местного сельсовета и вполуха слушал, как партийные лидеры двигают горячие речи о нашей победе. Судя по виду, местный председатель сам в бою не участвовал, где-то отсиделся. И пожар потом тоже не тушил – серый костюмчик мятый, на рукаве хвоя налипла. Воротник белой рубашки несвежий, но в отличие от остальных он выглядел прямо как на дипломатическом приеме. Другие партийцы смотрелись куда менее презентабельно. Грязные, обгоревшие, одежда мокрая, подпаленная, а у некоторых еще и в крови.

Бл*ха, плечо-то как саднит... Пуля чиркнула по коже, оставив только царапину. В горячке боя боль не ощущалась вообще, но сейчас все закончилось, и рана дала о себе знать.

– ...погибли Сеня, Гришка и Афонины оба, – невысокий крепенький мужичок с перевязанной головой загибал пальцы, монотонно считая потери. – Четыре двора выгорело подчистую, на дом Супониных перекинулось, но успели потушить, только крыша немного прогорела. Также...

– Товарищи партизаны обещали нам свою защиту, – веско произнес председатель и бросил взгляд в мою сторону. – Товарищ Слободский говорил, что лучших бойцов пришлет. А оно вона как получается... Лучших, да не совсем, да? Тут до зимы осталось шиш да маленько, а запасы нам пожгли. Частично...

– Вы бы, товарищ председатель, за своими людьми получше смотрели, – устало проговорил я и, не поднимаясь, пнул ногой тело предателя. Я притащил его на заседание, и с самого начала он валялся мешком на полу рядом с моим стулом. Но все были настолько взвинчены, что не обратили внимания. – Поднимай голову, сучий потрох, ты давно уже очнулся...

– Братушки, не губите... – застонало тело. Куча под ногами зашевелилась, мужик поднял голову. Волосы с правой стороны головы спеклись в кровавый комок, этим местом я его к стене приложил. Рукав ватника оторван, болтается на соплях. Это я его волок по лестнице. Рожа... Да хрен знает... Хотелось бы, чтобы рожа была мерзкая, рябая, с уродливыми тараканьими усами или козлиной бородой. Но мужик выглядел обычно. За исключением повреждений, во всяком случае. Нормальный такой справный мужичонка, следов злоупотребления самогоном явственных не просматривается, рожа вполне благопристойная. Лет тридцать ему, наверное. Побледнел, губы трясутся, струйка слюны на подбородок стекает. Глаза дикие.

– Паша?.. – председатель захлопал глазами и приоткрыл рот. – Что с тобой приключилось?

– Да ничего необычного, – зло усмехнулся я. – Ваш Паша нашего пулеметчика убил в спину. Поэтому и бой так затянулся.

– Это не я! – завопил Паша, поднимаясь кое-как на колени. Руки я ему не развязывал. – Не я это, христом-богом клянусь! Ребятюшки, вы же меня знаете? Да зачем бы я мог...

– Ну да, – хмыкнул я. – И штыком в меня тоже не ты тыкал...

– Да я... – глаза Паши забегали. – Да я когда пришел, он уже был мертвый. А винтовка там же валялась. И я... Я думал, что это фрицы лезут на колокольню, вот и... Но я не убивал, я христом-богом... ребятюшки...

– Это ошибка какая-то, товарищ... эээ... – по лицу председателя было видно, что мою фамилию он забыл. – Товарищ партизан. Я его с детства знаю, он и мухи бы не обидел, а вы говорите убил... Попутали вы что-то, по голове вам, видать, чем-то попало.

– И что тогда ты делал на колокольне? – спросил я. В голове зашевелились сомнения. Могло ли быть так, как этот селянин говорит? Хм...

– Дак я это... свечку заскочил поставить, а потом вдруг стрельба началась, вот я и испугался и бросился наверх, на колокольню, значит... – быстро залопотал Паша. Глаза снова зыркнули в мою сторону. – Ребятюшки... Товарищи... Вы же меня знаете все, как облупленного! Не я это! Чем угодно клянусь, не я!

– Не мог он, – веско подтвердил председатель. – Зачем бы ему убивать вашего пулеметчика?

– Вот! – приободрился Паша. Приосанился и снова бросил на меня быстрый взгляд. – Меня же вы все знаете, а этого вот... Кто он такой вообще? Мы ведь его раньше не видели никогда! Может он сам диверсию и устроил? Может он с этим пулеметчиком счеты хотел под шумок свести, а теперь на меня сваливает, а?

Сонность моментально с меня слетела. Даже рана на плече перестала саднить. Я подался вперед.

– Ты бы думал, прежде чем говорить, – сквозь зубы сказал я.

– А я и подумал! – запальчиво заявил он и попытался встать. Не вышло, ноги его не держали, он завалился на бок и уперся мне в колени. – Я хорошо подумал! Ты сам, получается, и душегуб, больше некому!

– Паша, охолопись, – тихо проговорил председатель.

– Да? – почти завизжал он. – Так это же он меня в предатели записал!

– Ты же вчера по утрам с Климом и Никитой в зимовье ушел, – сказал вдруг один из мужиков. – Детей охранять. Ты как с Свободном-то оказался?

– Так я же... – Паша осекся и побледнел. Взгляд его снова заметался. – Я же это... За припасами вернулся... У нас это... Оказия...

– Что-то ты крутишь, Павел! – тот мужик поднялся и шагнул в нашу сторону. – Отвечай толком! Вы трое должны были детишек до зимовья и там схорониться, пока все не закончится. Так?

– Мы... Я... Пришлось вернуться, – промямлил Паша. Кажется, на этот случай линию поведения он не продумал.

– Что ты напустился на парня, видишь, перенервничал он? – вступился председатель.

– Перенервничал, говоришь? – суровый взгляд мужика пригвоздил председателя к стулу. – А сам-то ты где был, пока мы Свободное от пожара спасали?

– Ты, Михайло, эти намеки свои брось! – набычился председатель.

– Какие-такие намеки? – Михайло поставил на стол оба кулака. – Как есть, так и говорю.

– Так, товарищи, на повестке дня нашего заседания таких вопросов не было! – председатель хлопнул ладонями по столу. – Призываю вас всех к порядку! Давайте немедленно вернемся к обсуждению действительно важных вопросов...

– На свои вопросы я пока что ответа не услышал, – продолжал гнуть свою линию Михайло. – А у меня их два. Что с детьми на зимовье, и почему наш всенародно избранный председатель уклоняется от общего дела?

Собравшиеся заговорили все разом. Заседание в момент превратилось в свару. Все кричали и размахивали руками. Я поднялся и подошел к окну, рядом с которым скучал один из наших.

– Митяй, подтяни поближе несколько человек, а то эти горячие головы на заседании того и гляди драку устроят, – тихо сказал я. Тот понятиво кивнул и быстро скрылся в темноте. А я вернулся на свое место.

Тут у Паши сдали нервы.

– Да не отобьемся мы! – заголосил он. – Вы что, не понимаете? Думаете, немцы нас вот так оставят в покое? Сегодня мы отбились, а завтра они на танках приедут! И все! Конец тогда нашему Калюжному! Не поперет же Слободский на танки, спрячется в лесах, и вся недолга! А мы что? Мы-то как с вами? Думаете, они мстить не придут? Еще как придут! Сразу надо было сдаваться, я еще тогда говорил, но вы не послушали! Ну и вот...

В помещении воцарилась гробовая тишина.

Глава 7

После всего никак не мог отбить привкус какой-то кислятины во рту. Мы уже и в лагерь вернулись, и поужинали, даже полкружки самогонки хлопнул, за упокой погибших ребят, а мерзкое ощущение не проходило. Паша этот... Фу, до чего гадостно.

Даже не знаю, что противнее – сам факт наличия вот такого вот предателя, который на голубом глазу самолично убивает хорошего человека Кольку или мелкая подковерная возня за власть в едва освобожденном селе. Да, бл*ха, у вас других дел что ли нет, кроме как перепалки устраивать по поводу того, кто будет носить кепку первого парня на деревне?

Я перевернулся на другой бок, пытаюсь устроиться поудобнее. Было холодно, выделенный мне спальный мешок не то, чтобы очень спасал, но почему-то все эти физические неудобства волновали уже в меньшей степени. Притупилось. Все-таки способность человека приспособливаться совершенно убийственная. Это в рафинированном двадцать первом веке у тебя ортопедический матрас, климат-контроль гидроусилитель и паркетроник. Подсчет белков-жиров-углеводом и анализы на содержание в крови витаминов. А тут – пряник засохший с горьким чаем сжевал – и уже счастлив. Горячий душ? Ооооо... Роскошь!

Из мутного сна я вынырнул уже где-то после обеда. Ну да, я спал, и мне все время снилось, что я ворочаюсь с боку на бок и не могу уснуть. А потом – хлоп! – открыл глаза, а снаружи все ложками по мискам брякают, всю пахнет кашей с тушенкой и Серега рассказывает какую-то очередную байку про своего шурина.

– Концерт самодеятельности надо нам устроить, вот что! – заявил вдруг Серега, глядя, как я уплетаю свою порцию перловки.

– Ага, и танцы с притопами, – огрызнулся хмурый заспанный мужик, который тоже был в моей партии спящих. Голова замотана не слишком чистой окровавленной повязкой. – Нашел тоже время...

– Ты, Потап, не язви лучше, – Серега погрозил пальцем. – Ежели совсем не радоваться, то можно и вконец одичать.

– А чему ж тут радоваться? – Потап зыркнул в ту сторону, где мы погибших хоронили. Понятно, на что намекает.

– Все мы под смертью ходим, – философски сказал Серега, подперев подбородок кулаком. – Вчера Колька, а завтра может и я. Так что ж теперь, и не петь вовсе? Песня – она всегда душевности добавляет.

– Дело говоришь, – поддержал Серегу партизан, который сегодня по кухне дежурил. – Концерт – это правильно. Только надо, чтобы по-настоящему. Афишу намалевать и на доске объявлений повесить.

– Вот фрицы по нам и ударят, пока мы будем шансоны слушать, – буркнул меланхоличный Потап.

– Не ударят! – уверенно заявил Серега. – Я ведь по молодости в самодеятельном театре играл! Хорошо бы в нашем отряде тоже труппу сообразить. И пьесы ставить!

– Труппу... – буркнул Потап. – Слово-то какое противное.

– Пойду у командира бумагу и краски попрошу! – Серега больше не обращал внимания на хмурое брюзжание Потапа. – Афишу намалую, чтобы все честь по чести.

Серега поднялся и поковылял, припадая на правую ногу, в сторону штабной землянки.

– Черт знает что... – проворчал Потап и повернулся ко мне. – Ну вот ты скажи, что еще за концерт может быть? Разве подходящее сейчас время для концерта?

– Если подходящего времени ждать, то можно и не дожидаться, – философски отозвался я. С одной стороны, самодеятельность я не очень любил, с другой – Серега абсолютно прав,

одичать очень легко. И сломаться от тоски, потому что вокруг – грязь, холод, зима близко, а войне конца-края не видать. – Нужно давать себе отдушину, иначе и жить не захочется.

Все заговорили разом. Кто-то с энтузиазмом топил за концерт и сетовал, что инструментов маловато, потому что он на пианино умеет как-то, а вот на баяне и гитаре нет. Кто-то поддерживал Потапа, что, мол, у нас товарищи погибли, нехорошо это, как на могиле плясать, получается. Кто-то пытался рассказать историю, что вот к ним в клуб однажды приехал с гастроллями народный хор, а механизатор с трактористом прямо в разгар концерта драку устроили.

– О чем спорим, товарищи? – громко спросил неожиданно появившийся из-за дерева Слободский. Лицо бледное, в руках – плотный конверт, похоже, из штаба пакет доставили только что.

– О, товарищ командир! – обрадованно всплеснул руками повар. – А Серега к вам пошел за бумагой. Афишу рисовать!

– Какую еще афишу? – нахмурился Слободский.

– Концерт самодеятельности он, видишь ли, хочет, – язвительно проговорил Потап. – Можно подумать, у нас других забот нет...

– Концерт? – задумчиво повторил Слободский. – А что? Концерт – это дело. А то одичаем тут в лесах вконец... Саша, можно тебя на несколько слов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.